

ДЖЕННИФЕР АРМЕНТРОУТ

Душераздирающая
история о силе
первой любви
и о мужестве.
Эти герои останутся
со мной навсегда.
Ками Гарсия

Проблема с вечностью

18+

#Jennifer

Annotation

Воспитываясь в приемной семье, малышка Мэллори четко усвоила урок: хочешь выжить — молчи и оставайся невидимой. У нее был единственный друг, Райдер, который не один год принимал наказание вместо нее, храбро вставая между насильником и маленькой подружкой.

Проходит пять лет, и новая ученица старшей школы Мэллори Додж опять встречает Райдера. Только готов ли он снова защитить ее от целого мира?

Дженнифер Ли Арментроут

Проблема с вечностью

Jennifer L. Armentrout
Problem With Forever

Печатается с разрешения литературных агентств *Taryn Fagerness Agency* и *Synopsis Literary Agency*

Copyright © 2016 by Jennifer L. Armentrout

© И. Литвинова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дженнифер Арментроут не нуждается в представлении. Эпитеты «мегабестселлер» или «книжный блокбастер» намертво приклеиваются к каждой ее книге, которые сразу и надолго занимают первые места в списках бестселлеров.

«Арментроут всегда звезда! но эта книга покорила меня полностью. Захватила с первой страницы, я — в буквальном смысле — не могла оторваться, пока не прочитала все до конца. И сразу же захотела сделать это снова!»

Кристина Лорен

«Это настоящий шедевр... душераздирающий и трогательный».

Венди Хиггинс

Душераздирающая история о силе первой любви и о мужестве. Эти герои останутся со мной навсегда.

Ками Гарсия

Роман переведен на 12 языков.

Тем, кто только ищет свой голос, и тем, кто уже обрел.

Пыльные и пустые обувные коробки, за которыми пыталась укрыться девочка, угрожающе качнулись, когда она прижалась к ним свои хрупким тельцем, подтягивая костлявые коленки к груди.

Дыши. Просто дыши. Дыши.

Забившись в угол темного шкафа, стараясь не проронить ни звука, она крепко закусилла нижнюю губу, пытаясь протолкнуть в легкие каждый плоток смрадного воздуха и чувствуя, как на глазах закипают слезы.

Боже, она совершила большую ошибку, и мисс Бекки, пожалуй, права. Она действительно дрянная девчонка.

Зачем она потянулась к этой липкой банке в форме медвежонка, где хранилось печенье с таким странным вкусом? Ей же строго-настрого запретили самой брать печенье или любую другую еду, но есть хотелось так, что даже заболел живот, а мисс Бекки дремала на диване, потому что ей снова нездоровилось. Она же не нарочно смахнула пепельницу со стола, так что та рассыпалась на мельчайшие, как крошка, осколки, в которой застряли несколько покрупнее, напоминавшие сосульки, что зимой свисают с крыши.

Она всего лишь хотела печенья.

Ее худые плечики дернулись от громкого удара, сотрясшего стену. Девочка сильнее прикусила губу, ощущая металлический привкус во рту. Завтра в штукатурке появится дыра размером с огромный кулак мистера Генри, и мисс Бекки заплачет и снова сляжет.

Мягкий скрип двери шкафа отозвался раскатом грома у нее в ушах.

О, нет, нет, нет...

Он не должен найти ее здесь. Это было ее тайное место, где она пряталась, когда мистер Генри злился или когда он...

Девочка застыла, ее глаза широко раскрылись, когда чья-то фигура проскользнула в шкаф и опустилась перед ней на колени. В темноте лица невозможно было разглядеть, но всем своим существом почувствовала, кто это.

— Я не хотела! — вырвалось у нее.

— Я знаю. — Его рука легла ей на плечо, успокаивая ее. Он был единственным человеком, с которым она чувствовала себя спокойно, когда он прикасался к ней. — Оставайся здесь, хорошо?

Мисс Бекки однажды сказала, что он всего на полгода старше ее, шестилетней, но девочке он всегда казался взрослым, потому что в ее глазах олицетворял собой весь мир.

Она кивнула.

— Не выходи, — предупредил он и всучил ей рыжеволосую куклу, которую та обронила на кухне.

Разбив пепельницу, девочка помчалась в свое укрытие в шкафу, слишком напуганная, чтобы вернуться за Велвет, которую оставила на месте преступления. Это была еще одна трагедия, потому что куклу она получила в подарок от него много месяцев тому назад. Она понятия не имела, где он раздобыл Велвет, но в один прекрасный день он просто появился с ней, и с тех пор кукла принадлежала ей одной.

— Оставайся здесь. Что бы ни случилось.

Крепко вцепившись в куклу, зажимая ее между коленями и грудью, она снова кивнула.

Мальчик приподнялся и замер, когда новый сердитый окрик сотряс стены. Злобный голос, звавший ее по имени, льдинками скатывался по спине.

С тихим всхлипом она прошептала:

— Я просто хотела печенья.

— Все в порядке. Помнишь? Я обещал всегда защищать тебя. Ты только не шуми. — Он сжал ее плечо. — Сиди тихо, и когда я... когда вернусь, я тебе почитаю, хорошо? Про того глупого кролика.

Все, что она смогла, так это снова кивнуть, потому что бывали времена, когда она не слушалась, а потом горько жалела об этом. Но она знала, чем все закончится, если ее не найдут. Он не сможет почитать ей вечером. А завтра пропустит школу и расстроится, даже если не признается в этом.

Он задержался на мгновение, а потом осторожно выбрался из шкафа. Хлопнула дверь спальни, и она прижала куклу к заплаканному лицу. Кнопка на груди Велвет впиалась ей в щеку.

Ни звука.

Мистер Генри продолжал горланить.

Молчи.

В коридоре послышались шаги.

Молчи.

Шлепок. Что-то ударилось о пол, и мисс Бекки, должно быть, почувствовала себя лучше, потому что послышались ее крики, но темноту шкафа разрезали лишь смачные звуки шлепков. Она открыла рот и беззвучно кричала, зарывшись лицом в куклу.

Молчи.

Многое могло измениться за четыре года.

Трудно поверить, что это было так давно. Четыре года прошло с тех пор, как я переступила порог школы. Четыре года с тех пор, как заговорила с кем-то за пределами маленького замкнутого сообщества. Четыре года я шла к этому дню, и не хватало еще, чтобы меня вырвало горсткой хлопьев, которые я с трудом запихнула себе в рот.

Многое могло измениться за четыре года. Вопрос в другом: изменилась ли я?

Чайная ложка звякнула о края кружки, и я очнулась от своих мыслей.

Карл Ривас пытался тайно насыпать в свой кофе уже *третью* ложку сахара. Когда ему казалось, что его никто не видит, он старался добавить *еще* парочку. Для мужчины слегка за пятьдесят он выглядел довольно спортивным и подтянутым, но его губила страсть к сладкому. В его кабинете, заваленном толстыми медицинскими журналами, один ящик письменного стола больше походил на склад кондитерской.

Склонившись над сахарницей, он снова потянулся ложкой, опасно оглянувшись. Рука замерла в воздухе.

Я усмехнулась, наблюдая за ним со своего места за огромным столом, занимавшим середину кухни, где сидела с полной миской хлопьев.

Мужчина вздохнул, привалился к гранитной столешнице и, поглядывая на меня поверх кружки, отпил переслащенного кофе. Его темные, почти черные, волосы, зачесанные назад, совсем недавно начали сесть на висках, что в сочетании с темно-оливковым тоном кожи придавало импозантности. Во всяком случае, мне так казалось. Карл был красивым, как и его жена, Роза. Хотя ее нельзя было назвать просто красивой. Смуглая, с густыми вьющимися волосами, еще не тронутыми сединой, она была чудо как хороша и восхищала не только своей внешностью, но и горделивой осанкой.

Роза никогда не боялась постоять за себя и за других.

Я положила ложку в миску — осторожно, чтобы та не звякнула о керамику. Я всегда старалась не шуметь и не издавать лишних звуков. Старая привычка, от которой я до сих пор не могла избавиться, видимо, это останется у меня навсегда.

Я подняла голову и встретилась взглядом с Карлом.

— Ты уверена, что готова к этому, Мэллори?

У меня екнуло сердце. Этот, казалось бы, невинный вопрос на самом деле был подобен оружию со взведенным курком. Да, я подготовилась основательно. Как полный лузер распечатала расписание и карту средней школы Лэндс Хай, а Карл заранее позвонил в администрацию и получил ключ от моего шкафчика в раздевалке. Я точно знала, куда идти. Я *изучила* карту школы. Правда. Как будто от этого зависела моя жизнь. И теперь мне не нужно было никого расспрашивать, где находятся мои классы, и метаться по всей территории. Накануне Роза даже съездила со мной в школу, чтобы я познакомилась с маршрутом и знала, сколько времени уйдет на дорогу.

Я надеялась встретиться с Розой сегодня утром, мне предстояло такое важное событие, к которому мы готовились целый год. Мы всегда общались за завтраком. Но Карл и Роза были врачами. Она работала кардиохирургом, и ее вызвали на срочную операцию, прежде чем я заставила себя выбраться из постели. Что ж, причина уважительная, и я не держала зла на Розу.

— Мэллори?

Я энергично кивнула, сжав губы, и уронила руки на колени.

Карл поставил кружку на столешницу позади себя.

— Ты точно готова? — снова спросил он.

В животе внутренности стянулись в тугий узел, подкатила тошнота. Однако я была полна решимости. Сегодняшний день обещал быть трудным, но я знала, что должна это сделать. Выдержав взгляд Карла, я кивнула.

Он сделал глубокий вдох.

— Ты знаешь дорогу в школу?

Я снова кивнула, прыгнула с табуретки и схватила миску. Если стартовать прямо сейчас, то можно приехать на пятнадцать минут раньше. Неплохая идея, подумала я, выбрасывая недоеденные хлопья в мусорное ведро и загружая миску с ложкой в посудомоечную машину.

Карла высоким не назовешь — ростом он едва перевалил за метр семьдесят, — но даже едва доставала ему до плеча.

— Выражайся словами, Мэллори. Я знаю, что ты нервничаешь и у тебя в голове сумбур, но тебе нужно учиться разговаривать, а не просто качать головой — «да» или «нет».

Выражайся словами.

Я крепко зажмурилась. Доктор Тафт, мой психотерапевт, успел повторить эту фразу миллион раз, как и логопед, которая в течение двух лет занималась со мной три раза в неделю.

Говори словами.

Эта мантра противоречила всему, что в меня вбивали почти тринадцати лет: слова означали шум, а шум сопровождался страхом и насилием. Так было *раньше*, но только не теперь. Не для того я провела почти четыре года в интенсивной терапии, чтобы не научиться выражать себя словами, и не для того Роза и Карл посвящали каждую минуту своего свободного времени, стирая мое полное кошмаров прошлое, чтобы увидеть, что их усилия пропали даром.

Слова не были проблемой. Они порхали у меня в голове, как стая птиц, мигрирующих зимой в теплые края. Слова никогда не были проблемой. Они у меня были, и были всегда, но вот выудить их и наполнить силой голоса — в этом-то и заключалась проблема.

Я сделала глубокий вдох и пролепетала.

— Да. Да. Я... готова.

Еле уловимая улыбка тронула губы Карла, когда он убрал длинную прядь волос с моего лица. Волосы у меня, скорее, каштановые, чем рыжие, но стоило мне выйти на улицу, как они вспыхивали живым багряным огнем, что никак не вязалось с моей закомплексованностью.

— Ты справишься. Я в этом несколько не сомневаюсь. Роза тоже верит в тебя. И *ты* просто должна поверить в себя, Мэллори.

У меня перехватило дыхание.

— Спасибо вам.

Два слова.

Они не могли выразить всю глубину моих чувств, да разве хватило бы для этого двух слов, когда Карл и Роза спасли мне жизнь? В прямом и переносном смысле. С ними я оказалась в нужном месте и в нужное время, вопреки всем законам вселенной. Наша история

тянула на специальный выпуск «Опры»^[1] или семейный фильм на канале ABC. Часто ли жизнь подбрасывает такие сюжеты? Сказать «спасибо вам» после всего, что они сделали для меня — значит, не сказать ничего.

И в благодарность за ту жизнь, которую они подарили мне, за те возможности, которые они для меня открыли, я хотела быть идеальной для них, лучшей. Я была *в долгу* перед ними. Вот почему сегодняшний день был особенным.

Я подбежала к столу и схватила свою сумку и ключи, потому что еще минута — и я бы не выдержала и расплакалась, как ребенок, который только что обнаружил, что Санта не настоящий.

Словно прочитав мои мысли, Карл остановил меня в дверях.

— Не благодари меня, — сказал он. — Докажи нам.

Я хотела было кивнуть, но вовремя спохватилась.

— Хорошо, — прошептала я.

Тут он улыбнулся, и лучики морщинок собрались вокруг его глаз.

— Удачи.

Открыв дверь, я вышла на небольшое крыльцо нашего дома и спустилась навстречу теплему воздуху и яркому утреннему солнцу позднего августа. Мой взгляд скользнул по ухоженному дворику. Таким ландшафтным дизайном мог похвастаться каждый дом жилого квартала Пуант.

Каждый дом.

Мне до сих пор не верилось, что я живу в таком месте — в большом доме с лужайкой и цветниками, недавно заасфальтированной подъездной дорожкой, где стоит машина, теперь уже моя. Иногда все это казалось сном. И я боялась, что проснусь и снова окажусь...

Я тряхнула головой, прогоняя непрощенные мысли, и подошла к старенькой, десятилетней давности, «хонде цивик». Автомобиль раньше принадлежал настоящей дочери Розы и Карла. Маркетт получила его в подарок по окончании школы, прежде чем уехать в колледж, чтобы стать врачом, как родители.

Настоящая дочь.

Доктор Тафт всегда поправлял меня, когда я так называла Маркетт, и говорил, что тем самым я принижаю то, чем являюсь для Карла и Розы. Я надеялась, что он прав, потому что иногда действительно ощущала себя частью большого дома с ухоженным участком.

А порой чувствовала себя самозванкой.

Маркетт так и не поступила в колледж. Аневризма. Только что девушка была жива, а уже в следующую минуту ее не стало, и никто не мог помешать этой несправедливости. Я думала, что Роза и Карл всю жизнь боролись с этой напастью. Они спасли столько жизней, но не смогли спасти одну-единственную, которой дорожили больше всего на свете.

Казалось немного странным, что автомобиль отныне принадлежал мне, как будто я стала ребенком на замену. Они никогда не позволяли мне чувствовать себя в этой роли, и я не говорила об этом вслух, но все же, когда садилась за руль, не могла не думать о Маркетт.

Я бросила сумку на пассажирское сиденье и осмотрелась, задержавшись взглядом на собственном отражении в зеркале заднего вида. Глаза вытаращены. Как у оленя перед столкновением с автомобилем, если, конечно, бывают голубоглазые олени, но тем не менее. Кожа вокруг глаз чересчур бледная, брови сошлись на переносице. Я выглядела испуганной.

Вздых.

Не так мне хотелось выглядеть в свой первый день в школе.

Я уже собралась перевести взгляд на дорогу, однако мое внимание привлек серебристый медальон, свисавший с зеркала заднего вида. Небольшой, размером с двадцатипятицентовик. Внутри овала проступало рельефное изображение бородатого мужчины, склонившегося над книгой с гусиным пером в руке. Наверху было выгравировано: *СВЯТОЙ ЛУКА*, а внизу — *МОЛИТСЯ ЗА НАС*.

Я знала, что Святой Лука — покровитель врачей.

Медальон принадлежал Розе. Она получила его в подарок от матери, когда поступила в медицинскую школу, и Роза передала его мне, когда я сказала, что готова к учебе в выпускном классе старшей школы. Я догадывалась, что до меня медальон носила Маркетт, но расспрашивать не решалась.

Думаю, в глубине души Роза и Карл надеялись, что я пойду по их стопам, так же, как когда-то собиралась Маркетт. Но профессия хирурга требовала настойчивости, уверенности в себе и даже бесстрашия — именно тех качеств, которых мне катастрофически не хватало.

Карл и Роза это знали и старались стимулировать мой интерес к исследованиям, поскольку, по их словам, в годы моего домашнего обучения я демонстрировала те же способности к наукам, что и Маркетт. Я не возражала, хотя перспектива вечного изучения микробов или клеток казалась мне не более заманчивой, чем бесконечное перекрашивание стен моей комнаты в белый цвет. Но я понятия не имела, чего бы мне хотелось, кроме как поступить в колледж, потому что до появления в моей жизни Розы и Карла колледж оставался для меня недостижимой мечтой.

Как я и ожидала, дорога до школы Лэндс Хай заняла ровно восемнадцать минут. Лишь только за бейсбольными и футбольными полями показалось трехэтажное кирпичное здание, я напряглась, как если бы бейсбольный мяч летел прямо в лицо, и мне предстояло отбивать его голыми руками.

Живот скрутило, и я крепче вцепилась в руль. Школьное здание выглядело огромным и довольно новым. На сайте я прочитала, что его построили в девяностые годы, и на фоне других школ эта выглядела сияющей.

Сияющей и восхищающей.

Я обогнала вереницу школьных автобусов, которые следовали к конечной остановке, и, встроившись за другой машиной, обогнула величественное строение и остановилась на парковке, которой позавидовал бы любой торговый центр. Найти место не составило труда, и оставшиеся в запасе пятнадцать минут я решила потратить на ежедневный аутотренинг, процесс неприятный и все еще неловкий.

Я могу это сделать. Я сделаю это.

Снова и снова я повторяла эти слова, вылезая из «хонды» и закидывая новенькую сумку на плечо. Сердце билось все сильнее, а я все больше робела, осматривая море фигур, устремившихся по дорожке к заднему входу в школу. В глазах рябило от многообразия цветов, лиц, форм и размеров. На мгновение мне показалось, что мой мозг на грани короткого замыкания. Я затаила дыхание. В мою сторону устремлялись взгляды: одни задерживались, другие равнодушно скользили мимо, словно и не замечая меня, застывшую на парковке, что в некотором смысле радовало, поскольку я привыкла быть не более чем призраком.

Моя рука впилась в ремень сумки. Изнывая от сухости во рту, я заставила себя сделать шаг вперед. Я влилась в общий поток, растворилась в нем, сосредоточившись на белокуром хвостике впереди идущей девушки. Мой взгляд скользнул ниже. Девушка была одета в джинсовую юбку и сандалии. Ярко-оранжевые, с ремешками в древнеримском стиле.

Симпатичные. Я могла бы сделать ей комплимент. Завязать разговор. К тому же и хвост у нее получился, что надо — с начесом на макушке, который мне никак не давался даже после просмотра десятка уроков на *YouTube*. Всякий раз, когда я пробовала повторить, у меня получались одни «петухи».

Но я промолчала.

Я отвлеклась от хвоста и встретилась взглядом с мальчишкой, который шел рядом. На его лице застыло сонное выражение. Он не улыбнулся, не нахмурился, просто уткнулся в сотовый телефон, что держал в руке. Я даже не была уверена, видел ли он меня.

Утренний воздух был теплым, но, переступив порог школы, я будто шагнула в холодильник, так что тонкий кардиган, который я так тщательно подбирала к короткому топу и джинсам, пришелся весьма кстати.

В вестибюле толпа рассредоточилась. Школьники младших классов, малыши, но уже с меня ростом, устремились в сторону нарисованного на полу красно-синего судна-викинга; сумки с учебниками смешно подпрыгивали на их спинах, когда они лавировали среди рослых старшекласников. Некоторые, еще толком не проснувшись, брели, как зомби. Я старалась идти в ногу с основной массой, обычным шагом, который долго оттачивала.

Какие-то мальчишки и девчонки то и дело бросались друг к другу, обнимались, смеялись. Я догадывалась, что это друзья, которые встретились после долгих летних каникул, или, может, у них просто эмоции зашкаливали. Как бы то ни было, проходя мимо, я с интересом поглядывала на них. Они напомнили мне о моей подруге, Эйнсли. Как и я, она находилась на домашнем обучении — до сих пор, — но, если бы сейчас пошла в школу, мы бы тоже прыгали от восторга, хохотали и радовались встрече. Как обычные девчонки.

Эйнсли, наверное, еще валяется в постели, подумала я.

Не потому, что может себе позволить целыми днями валять дурака, просто наша общая учительница устраивала летние каникулы по своему расписанию. Она пока еще не вернулась с отдыха, но я-то знала, что с началом нового учебного года домашние занятия под ее руководством возобновятся с прежней строгостью и дисциплиной.

Страхнув задумчивость, я подошла к лестнице в конце просторного холла, у входа в кафетерий. Стоило мне оказаться у дверей столовой, как у меня подскочил пульс, и снова подступила тошнота.

Обед.

Боже, а что я буду делать в обед? Я же никого здесь не знаю, и мне придется...

Я запретила себе думать об этом. Иначе все могло закончиться позорным бегством из школы, и мне пришлось бы отсиживаться в машине.

Мой шкафчик под номером 2-3-4 находился на втором этаже, в центре зала. Я быстро нашла его, и, в качестве бонуса, он открылся с первой попытки. Нагнувшись, я достала из сумки толстую тетрадь, приготовленную для дневных занятий, и забросила ее на верхнюю полку, зная, что сегодня мне выдадут много тяжелых учебников.

Рядом со мной громко хлопнула дверца шкафчика, и я даже подпрыгнула. Подбородок непроизвольно дернулся вверх. Высокая темнокожая девушка с копной мелких туго заплетенных косичек послала в мою сторону короткую улыбку.

— Привет.

Мой язык будто налился свинцом, и прежде чем я смогла выдавить из себя хотя бы слово, девушка развернулась и ушла.

Опять облом.

Чувствуя себя последней тупицей, я закатила глаза и закрыла шкафчик. Когда я обернулась, мой взгляд остановился на спине парня, который шел в противоположную нужной мне сторону. Замерев на месте, я продолжала смотреть ему вслед.

Даже не знаю, как и почему я выделила именно его. Может, потому, что он был на целую голову выше всех остальных. Застыв, как изваяние, я никак не могла отвести от него глаз. У парня были темные волнистые волосы, коротко подстриженные на затылке, под которым открывалась загорелая шея, но длинные на макушке. Мне стало интересно, падают ли они ему на лоб, и в груди что-то дрогнуло, когда я вспомнила мальчишку из своего детства с непослушными волосами, которые всегда падали ему на лицо, как он ни старался отбрасывать их назад. Воспоминания о нем до сих пор отзывались во мне болью.

Черная футболка обтягивала широкие плечи парня, а накачанные бицепсы выдавали в нем спортсмена или человека, привычного к тяжелому ручному труду. Джинсы, хотя и модно-потертые, были не из дорогих. Я умела отличить дизайнерские джинсы, нарочно состаренные, от тех, что просто отслужили свой срок. В руке он держал тетрадь, и даже издалека я могла разглядеть, что она такая же потрепанная, как и джинсы.

Какое-то странное чувство узнавания шевельнулось во мне, и память выхватила единственное яркое пятно из прошлого, полного теней и мрака.

Я думала о мальчишке, из-за которого так щемило сердце, о том, кто обещал остаться со мной навсегда.

Прошло четыре года с тех пор, как я видела его и слышала его голос. Четыре года я пыталась вычеркнуть из жизни все, что связано с той частью моего детства, но *его* я не забывала. Я все время думала о нем.

Да и как иначе? Я бы никогда не смогла его забыть.

Ведь только благодаря ему и ради него я выжила в том доме, где мы росли.

После первого урока я быстро усвоила, что задние ряды в классе приравниваются в элитной недвижимости. Достаточно близко, чтобы видеть доску, но достаточно далеко, чтобы свести шанс быть вызванным к этой доске к минимуму.

Мне пока удавалось прийти в класс первой, и я быстренько проскальзывала к одной из задних парт, прежде чем меня кто-нибудь мог увидеть. Никто со мной не разговаривал. Во всяком случае, до самого обеда, когда перед уроком английской темноволосая смуглая девушка с глазами цвета спелой сливы опустилась на свободное место рядом со мной.

— Привет, — сказала она, швыряя на парту толстую тетрадь. — Я слышала, мистер Ньюберри — тот еще придурок. Взгляни на эти картинки.

Я перевела взгляд на доску. Наш учитель еще не пришел, но на доске уже были развешаны портреты известных авторов. Шекспир, Вольтер, Хемингуэй, Эмерсон и Торо — их я узнала сразу, в основном благодаря тому, что у меня было столько свободного времени.

— Одни чуваки, да? — продолжила соседка, и когда она тряхнула головой, ее тугие черные кудряшки запрыгали. — Он преподавал у моей сестры два года назад. Она предупредила меня, что у него пунктик на этот счет. Он считает, что настоящую литературу могут создавать только те, у кого есть член.

У меня глаза на лоб полезли.

— Так что, я думаю, этот предмет окажется забавным. — Девушка улыбнулась, сверкнув ровными белыми зубами. — Кстати, я — Кейра Харт. Я не помню тебя по прошлому году. Не то чтобы я знаю всех, но, по крайней мере, я должна была тебя видеть.

Мои ладони вспотели, пока она пялилась на меня. Ее вопрос яйца выеденного не стоил. Ответ напрашивался сам собой. Но у меня пересохло в горле, и я чувствовала, как тепло заливает шею, а секунды неумолимо тикали.

Выражайся словами.

Пальцы ног вжались в мягкие кожаные подошвы моих сандалий, когда я, преодолевая першение в горле, с трудом выдавила из себя:

— Я... я новенькая.

Есть! Я сделала это. Я заговорила.

Вот вам всем! Слова для меня — это полная фигня.

Ладно, возможно, я преувеличивала свои достижения, поскольку, если разобраться, произнесла только два слова и одно повторила. Но я не собиралась портить себе радость победы, учитывая, как нелегко мне давалось общение с новыми людьми. Для меня это было равносильно тому, чтобы зайти нагишом в класс.

Кейра как будто не заметила моей внутренней сумятицы.

— Я так и подумала. — Она замолчала, а я все никак не могла понять, почему соседка смотрит на меня так выжидающе. И тут до меня дошло.

Мое имя. Она ждала, когда я назову свое имя. Воздух со свистом вырвался у меня вместе с новыми словами.

— Я... Мэллори. Мэллори Додж.

— Круто. — Она кивнула, откидываясь на спинку стула. — О. Вот и он.

Мы больше не разговаривали, но я была вполне довольна собой после семи произнесенных слов с учетом повторов. Роза и Карл могли бы гордиться мной.

Мистер Ньюберри изъяснялся вычурно, что могло повергнуть в замешательство любого новичка, но сегодня меня это не беспокоило. Я как истинный победитель почивала на лаврах.

А потом пришло время обеда.

Посещение большого и шумного кафетерия я восприняла как внетелесный опыт. Мой мозг кричал, умоляя найти место поспокойнее, попроще — *безопаснее*, — но я заставила себя идти вперед, передвигая ноги, как учили.

Когда я встала в очередь к раздаче, нервы натянулись, как канаты. Впопыхах я схватила лишь банан и бутылку воды. Вокруг меня было столько людей, столько шума — смеха, криков, постоянного гула разговоров. Я чувствовала себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Все сидели компаниями за длинными столами. Насколько я могла судить, поодиночке никто не обедал. И, поскольку знакомствами я не обзавелась, мне предстояло стать белой вороной.

В ужасе от этой мысли, я с силой стиснула в руке банан. Запахи моющих средств и пригоревшей пищи накрывали меня тошнотворной волной. Грудь стянуло обручем, горло сдавило. Я жадно втягивала воздух, но он как будто и не попадал в легкие. Стайки мурашек побежали по шее.

Я чувствовала, что с этим уже не справлюсь.

От скопления людей и звуков просторный кафетерий казался чересчур тесным. Дома никогда не было так шумно. Никогда. Мой взгляд беспомощно заметался по залу. Рука дрожала так сильно, что я боялась выронить банан. Однако инстинкт взял верх, и ноги пришли в движение.

Я поспешила к двери, выскользнула в коридор и пошла прямо, мимо шкафчиков, возле которых суетились какие-то ребята, судя по запаху, только что вернувшиеся с перекура. Я сделала несколько глубоких, расслабляющих вдохов, но легче не стало. Впрочем, чем дальше я уходила от кафетерия, тем спокойнее становилось на душе и без всяких глупых вдохов. Я свернула за угол и резко остановилась, чудом избежав лобового столкновения с парнем чуть выше меня ростом.

Он зашатался, и его налитые кровью глаза расширились от удивления. От него исходил странный запах, который поначалу я приняла за дым, но, вдохнув глубже, уловила тяжелый, земляной, густой аромат.

— Виноват, *chula*,^[2] — пробормотал он, и его медленный взгляд скользнул снизу вверх, встречаясь с моими глазами. Губы скривились в ухмылке.

В другом конце коридора более рослый сверстник прибавил шагу.

— Джейден, куда ты бежишь, брат? Нам нужно поговорить.

Парень — по-видимому, это и был Джейден — обернулся и, потирая ладонью коротко остриженные темные волосы, тихо выругался:

— *Mierda, hombre*.^[3]

Открылась дверь класса, и в коридор вышел учитель, сердито оглядывая обоих ребят.

— Уже, мистер Луна? Это так мы собираемся начинать учебный год?

Я решила, что мне пора сматываться, потому что в лице второго парня не проступало никаких признаков радости или дружелюбия, да и хмурый взгляд учителя, устремленный на Джейдена, не предвещал ничего хорошего. Я обошла их и поспешила прочь, опустив голову и избегая встречаться с кем-либо взглядом.

Все кончилось тем, что я оказалась в библиотеке, где до звонка играла в «Сладкую битву» на мобильнике, а весь следующий урок — истории — злилась на себя, потому что

дала слабинку и даже не попыталась преодолеть свой страх. Это правда. Я спряталась в библиотеке, как последний лузер, потратила время на глупейшую игру, которую мог придумать только дьявол. Одним словом, облажалась по полной программе.

Сомнения накрыли меня с головой тяжелым грубым одеялом. Я так далеко продвинулась за последние четыре года. Я больше не похожа на ту девчонку, какой была раньше. Да, у меня еще случались некоторые заскоки, но ведь я стала гораздо сильнее, не так ли?

Я могла себе представить, как будет разочарована Роза.

На последний урок я уже шла, как на Голгофу, — кожа зудела, а пульс, наверное, скакнул до предынсульных высот, потому что меня ожидал самый настоящий кошмар. Курс риторики.

Иначе известный как «Мастерство общения». Когда прошлой весной я записывалась в школу, то чувствовала себя невероятно смелой, в отличии от Карла и Розы, которые смотрели на меня, как на сумасшедшую. Они сказали, что смогут освободить меня от этого класса, хотя он считался обязательным в Лэндс Хай, но я твердо вознамерилась что-то доказать самой себе и всем остальным.

Я не хотела, чтобы они вмешивались. Я хотела — нет, я чувствовала, что *должна* это сделать.

Черт.

Теперь я жалела о том, что не включила здравый смысл и не позволила им добиться моего освобождения от этого курса, и с ужасом ждала худшего. Когда я увидела открытую дверь класса на третьем этаже, она показалась мне пастью удава.

Мой шаг сбился. Какая-то девушка обогнала меня и, поджав губы, оглядела с ног до головы. Я хотела развернуться и бежать. Забраться в «хонду». Уехать домой. Спрятаться ото всех.

И снова стать прежней.

Нет. Только не это.

Вцепившись в ремень сумки, я заставила себя двинуться с места, и у меня возникло такое чувство, будто я пробираюсь сквозь хлябь, по колено в грязи. Каждый шаг давался с трудом. Каждый вздох сопровождался хрипом. Светильники гудели над головой, уши, как локаторы, улавливали обрывки разговоров, но я все-таки превозмогла себя.

Мои ноги кое-как доковыляли до задних рядов, и онемевшие пальцы с побелевшими костяшками пальцев уронили сумку на пол возле парты, за которую я уселась. С трудом достав тетрадку из сумки, я вцепилась в край стола.

Я на уроке риторики. Кто бы мог подумать.

Я это сделала.

Дома я собиралась устроить себе офигительную вечеринку по этому поводу. Скажем, с жадным пожиранием глазури прямо из банки. Короче, на полную катушку.

Чувствуя, что костяшки пальцев уже начинают болеть, я ослабила мертвую хватку и, положив влажные руки на парту, покосилась на дверь. Первое, что я увидела, это широкую грудь, обтянутую черной футболкой, а под ней — хорошо сформированные бицепсы. Потом в поле зрения попала и прижатая к бедру в потертых джинсах потрепанная тетрадка, которая, казалось, через секунду развалится.

Это был парень, которого я заприметила еще утром.

Меня распирало от любопытства — хотелось посмотреть, как же он выглядит спереди, — но, пока я хлопала ресницами, парень повернулся к двери. Девушка, что

обогнала меня в коридоре, как раз заходила в класс. Теперь, когда я сидела на стуле и могла дышать, настала моя очередь окинуть ее оценивающим взглядом. Что ж, симпатичная. Очень симпатичная, как Эйнсли. Прямые волосы цвета карамели, такие же длинные, как у меня, до середины спины. Высокого роста, в короткой майке, открывающей плоский живот. На этот раз взгляд ее темно-карих глаз был устремлен не на меня. А на парня, что стоял перед ней.

Выражение ее лица сказало о том, что он правильно оценил все ее прелести, и, когда он рассмеялся, ее розовые губы расплылись в широкой улыбке. Улыбка преобразила ее в настоящую красавицу, но уже не она владела моим вниманием, потому что я почувствовала, как мурашки покрывают все тело. Этот смех... Такой глубокий, насыщенный и смутно знакомый. Дрожь пробежала по моим плечам. *Этот смех...*

Парень шел от двери, и я даже удивилась, что он не споткнулся обо что-нибудь под завистливыми взглядами окружающих. Тут до меня дошло, что он направляется к последним рядам. *Ко мне.* Я огляделась по сторонам. Сзади оставалось лишь несколько свободных мест, в том числе два слева от меня. Девушка следовала за ним. И не просто следовала. Она прикасалась к нему.

Прикасалась так, словно имела на это право и проделывала неоднократно.

Ее тонкая рука дотронулась до его живота, чуть ниже груди. Она закусилась нижней губу и сместила руку еще ниже. Золотые браслеты, болтавшиеся у нее на запястье, опасно приблизились к потертому кожаному ремню. У меня вспыхнули щеки, когда парень ловко вывернулся. Было что-то игривое в его движениях, как будто этот танец давно стал для них ритуальным.

Он остановился в конце ряда, и мой взгляд скользнул по узким бедрам, поднялся к животу, который только что трогала девушка, а потом я увидела его лицо.

И перестала дышать.

Мой мозг отказывался воспринимать увиденное. Он просто не догонял. Я уставилась на парня, *вглядываясь* в его лицо, такое родное и в то же время незнакомое, более взрослое, чем я помнила, но все равно невероятно красивое. Я *знала* его. Боже мой, я бы узнала его где угодно, даже через четыре года, даже после той ночи, когда я видела его в последний раз. Той ужасной ночи, которая навсегда изменила мою жизнь.

Нет, это больше походило на сон.

Теперь понятно, почему сегодня утром его образ всплыл в моей памяти — потому что я его увидела, просто не осознала, что это *он*.

Я не могла пошевелиться, мне не хватало воздуха, и разум отказывался верить в то, что все это происходит наяву. Мои руки соскользнули с крышки парты и безвольно упали на колени, когда он уселся на соседний стул. Его взгляд был прикован к девушке, которая заняла место рядом с ним, и я смогла разглядеть его профиль с резко очерченной челюстью, которая еще только намечалась, когда мы виделись в последний раз. Его глаза пробежались по классу, на мгновение задержались на доске. Он выглядел почти так же, только возмужал, и его красота проступала еще более... *отчетливо*. От потемневших бровей, черных волос и густых ресниц до широких скул и легкой щетины вдоль линии челюсти.

Боже правый, он вырос именно таким, каким я его себе и представляла в двенадцать лет, когда начала по-другому смотреть на него и видеть в нем юношу.

Я не могла поверить, что он здесь. Мое сердце рвалось из груди, когда его губы — теперь более чувственные, — дрогнули в улыбке, а когда на правой щеке появилась ямочка, живот стянуло узлом. Единственная ямочка. Без пары. Всего одна. Я мысленно перенеслась

назад, через годы, и смогла вспомнить лишь несколько эпизодов, когда видела его таким расслабленным. Откинувшись на спинку стула, который казался слишком маленьким для него, он медленно повернул ко мне голову. Карие глаза с проблесками золотистых искорок встретились с моими.

Эти глаза мне никогда не забыть.

Легкая, почти ленивая улыбка, которой я прежде не замечала на его лице, застыла. Его губы приоткрылись, и бледность просочилась сквозь смуглую кожу. Глаза расширились, и золотые искорки стали звездами. Он узнал меня; я сильно изменилась с тех пор, но все-таки по его лицу было видно, что он узнал. Он подался вперед, наклоняясь ко мне. Четыре слова вырвались из далекого прошлого и громким эхом отозвались в моей голове.

Не издавай ни звука.

— Мышь? — выдохнул он.

Мышь.

Никто, кроме него, не называл меня так, и я давно не слышала этого прозвища, уже не надеясь когда-нибудь услышать его снова.

Как не надеялась снова увидеть *его*. Но вот он здесь, передо мной, и я не могла отвести от него глаз. В этом парне не осталось ничего от того тринадцатилетнего мальчишки, и все-таки это был *он*. Все те же теплые карие глаза с золотыми искорками, та же опаленная солнцем кожа, доставшаяся ему от отца — кажется, наполовину латиноамериканца. Он и сам не знал, откуда родом его мать и ее семья. Один из наших... соцработников полагал, что его мать наполовину латиноамериканка, возможно, из Бразилии, но правду он вряд ли когда-нибудь узнает.

Я вдруг увидела *его* — прежнего, из детства, когда он был моей единственной опорой в мире хаоса. Девятилетний мальчик — выше меня, но все равно еще ребенок, — вставал стеной между мной и мистером Генри, как делал это всегда, а я жалась у него за спиной, вцепившись в рыжеволосую куклу *Велвет*, подаренную им же. Я прижимала ее к груди, дрожа всем телом, а он выпячивал грудь вперед, широко расставляя ноги.

— *Оставь ее в покое*, — рычал он, сжимая кулаки. — *Тебе лучше держаться от нее подальше.*

Я очнулась от воспоминаний, но их еще осталось так много, ведь столько раз он приходил мне на помощь, пока мог, пока обещание вечно быть вместе не оказалось разрушенным, пока все... не рассыпалось в прах.

Его грудь поднялась в глубоком вздохе, и, когда он заговорил, голос прозвучал грубо и низко.

— Это действительно ты, Мышь?

Я смутно сознавала, что сидящая рядом девушка наблюдает за нами, и ее глаза распахнуты так же широко, как мои. У меня опять не ворочался язык, и это казалось странным, потому что он... он единственный, с кем я могла и не боялась говорить, но то было в другом мире, в другой жизни.

С тех пор прошла вечность.

— Мэллори? — прошептал он, поворачиваясь ко мне всем телом, и мне показалось, что он вот-вот вскочит со стула. Это было так на него похоже, потому что он не боялся *ничего*. Никогда. Теперь он так близко склонился ко мне, что я смогла разглядеть едва заметный шрам над правой бровью, на тон или два светлее, чем его кожа. Я знала, откуда он взялся, и сердце снова сжалось от боли, потому что шрам напоминал о черством печенье и разбитой пепельнице.

Парень, что сидел впереди, развернулся к нам.

— Эй. — Он щелкнул пальцами, когда не получил ответа. — Эй, старик? Алло?

Но он словно и не замечал парня, продолжая вглядываться в меня, как в призрак, вдруг возникший перед ним.

— Как знаешь, — одноклассник, поворачиваясь к девушке, но та тоже не откликнулась. Она следила за нами. Прозвенел запоздалый звонок, и я догадалась, что в класс вошел учитель, потому что разговоры стихли.

— Ты узнаешь меня? — Его голос по-прежнему звучал не громче шепота.

Он не сводил с меня глаз, и я произнесла всего одно слово, которое оказалось самым легким в моей жизни.

— Да.

Он качнулся на стуле, выпрямляясь, но его плечи напряглись. Он на мгновение закрыл глаза.

— Господи, — пробормотал он, потирая ладонью грудь.

Я подпрыгнула, когда учитель хлопнул рукой по стопке учебников, сложенных на угловой парте, и уставилась прямо перед собой. Мое сердце все еще стучало подобно обезумевшему отбойному молотку.

— Итак, полагаю, все вы знаете, кто я, раз находитесь в моем классе, но на случай, если кто-то забыл, напоминаю: меня зовут мистер Сантос. — Учитель привалился боком к столу, сложив руки на груди. — И это класс риторики. Если вы ошиблись дверью, вероятно, вас ждут в другом месте.

Мистер Сантос продолжал говорить, но кровь так бурлила во мне, что заглушала его слова, и мои мысли были слишком заняты тем, что *он* сидел рядом. Он здесь, после стольких лет, рядом со мной, как это было всегда, сколько я себя помню с трехлетнего возраста, но, кажется, его совсем не радовала наша встреча. Я даже не знала, что думать. Надежда и отчаяние смешались во мне, а с ними горькие и сладкие воспоминания, за которые я цеплялась и в то же время мечтала забыть.

Он... Я крепко зажмурилась и сглотнула ком, застрявший в горле.

Всем раздали учебники и план курса. Я не прикоснулась ни к тому, ни к другому. Мистер Сантос стал рассказывать о том, с какими текстами нам предстоит работать в течение года, начиная от информационных докладов и заканчивая интервью с одноклассниками. Хотя я и находилась в предобморочном состоянии, когда заходила в класс, перспектива выступления с докладами перед аудиторией из тридцати человек сейчас мои мысли совсем не занимала.

Я заметила Кейру — она сидела прямо перед тем парнем, который пытался привлечь *ею* внимание перед началом урока. Интересно, видела она меня, когда я входила в класс? Может, и видела, но наверняка мое присутствие ей по барабану. С чего бы ей интересоваться мной? То, что она заговорила со мной на уроке английского, еще не означает, что она готова занять очередь, чтобы стать моей лучшей подругой.

Мой провал за обедом уже казался далеким прошлым. Я жила настоящим, следила за каждым своим вздохом и, не в силах сдержаться, то и дело косилась налево.

Мой взгляд столкнулся с его взглядом, и у меня перехватило дыхание. Раньше я умела читать по его лицу. Но сейчас? Его лицо оставалось совершенно бесстрастным. Счастлив ли он? Сердится? Грустит? Или он в замешательстве так же, как и я? Трудно сказать, но, во всяком случае, он не пытался скрывать, что смотрит на меня.

Тепло прилило к моим щекам, когда я отвела взгляд и почему-то задержала его на девушке, что сидела рядом с ним. Она смотрела на учителя, и ее губы сложились в тонкую, твердую линию. Мне бросились в глаза ее руки, сжатые в кулаки. Я снова отвернулась.

Прошло минут пять, прежде чем я не выдержала и опять украдкой покосилась на него. Он не смотрел в мою сторону, но его челюсть была напряжена, и мышца дергалась на щеке. Я таращилась на него, как круглая идиотка, больше не способная ни на что.

Когда мы были маленькими, все говорили, что он вырастет настоящим красавцем, от которого будет дух захватывать. Для этого у него были все данные — большие глаза,

выразительный рот, крепкое телосложение. Иногда это... оборачивалось против него. Ему доставалось внимание всякого рода. Мистер Генри, казалось, хотел разбить его, как ценную фарфоровую вазу. В доме часто появлялись всякие мужчины. Некоторые из них... проявляли к нему нездоровый интерес.

Во рту пересохло от этих мыслей, и я прогнала их прочь. Не стоило так млеть от его привлекательности, но, как сказала бы Эйнсли, от него действительно можно сойти с ума.

Пока мистер Сантос раздавал карточки — видимо, я прослушала, с какой целью, — сидевший впереди парень снова обернулся и устремил на него прямой взгляд своих зеленоватых глаз.

— Ты свободен после школы?

Я ничего не могла с собой поделать. Мой взгляд метнулся к *нему*. Поджав губы и сложив руки на груди, он коротко кивнул.

Парень вскинул темные брови и покосился в сторону мистера Сантоса.

— Нам нужно поговорить с Джейденом.

Джейден? Я вспомнила парня, которого чуть не сшибла в коридоре.

Девушка прислушалась, склонив голову набок.

— Заметано, Гектор, — резко ответил *он*, и я поразились тому, насколько глубоким стал его голос. Прошло мгновение, и он снова посмотрел на меня.

Вспыхнув, я отвернулась, но успела перехватить полный любопытства взгляд зеленых глаз Гектора. Остаток урока я упражнялась в подглядывании за *ним*, как будто хотела убедиться, что он никуда не исчез. Наверное, действовала я топорно, потому что девушка, которая сидела с другой стороны от него, а до этого весьма фамильярно к нему прикасалась, застучала меня за этим и не раз.

Минуты тикали, и я все сильнее мучилась от беспокойства, которое ворочалось в животе, как гадюка в ожидании подходящего момента для нападения.

Стальные тиски сжимали горло, угрожая перекрыть всякий доступ воздуха. Ледяной холод обжигал шею, пробираясь выше, к затылку. Дыхание сбилось, и накатило *это* — ощущение полной потери самоконтроля.

Дыши.

Я знала, что должна дышать.

Впившись ногтями в ладони, усилием воли я заставила себя вдохнуть, и сердце забилося ровнее. Когда я проходила курс психотерапии, доктор Тафт внушил мне, что на самом деле я не теряю контроль над своим телом, когда происходит нечто подобное. Все творится в моей голове, а панику обычно провоцируют громкие звуки или запахи, отбрасывающие меня в прошлое. Иногда я даже не догадывалась, что вызывает эти панические атаки.

Сегодня я точно знала, в чем причина.

Источник сидел рядом со мной. Эта паника была настоящей, потому что *он* был настоящим, и прошлое явилось вместе с ним, а не родилось в моем воспаленном сознании.

Что я ему скажу, когда прозвенит звонок и школьный день закончится? Четыре года прошло с той ночи. И захочет ли он разговаривать со мной? А если не захочет?

О боже.

Что, если мое появление в школе стало для него неприятной неожиданностью? Он... хлебнул много горя из-за меня. Хотя случались и хорошие моменты за те десять лет, что мы провели вместе, немало было и плохого. Ох, как немало.

И да... мне будет хреново, если он встанет и выйдет из класса, не сказав больше ни

слова, но, может, это и к лучшему. По крайней мере, теперь я знала, что он жив и невредим, и, кажется, у него даже есть девушка. Вполне возможно, что они встречаются. И значит, он счастлив, верно? Счастлив и здоров. Зная, что у него все в порядке, я могла с полным правом закрыть эту главу моей жизни.

Только вот я думала, что уже закрыла эту главу. Но теперь она снова открылась, возвращая меня к началу пути.

Когда прозвенел звонок, во мне сработал защитный механизм, как это бывало — о, так часто! — в прошлом. Я даже не сознавала, что делаю. Забытый инстинкт поднял голову, словно спящий дракон — инстинкт, который я подавляла в себе целых четыре года, но сегодня он снова заявил о себе.

Поднявшись, я схватила учебник и сумку. Мое сердце бешено колотилось, когда я заметалась между партами и, не оглядываясь, бросилась к выходу, не оставляя ему шанса уйти первым. Мои сандалии звонко шлепали по полу, когда я спешила по коридору, обгоняя медленно плетущихся школьников, на ходу запихивая учебник в сумку. Наверное, со стороны я выглядела идиоткой. Но я и чувствовала себя идиоткой.

Я вырвалась на улицу, под жаркое солнце. Опустив голову, я чуть ли не бежала по дорожке к парковке, и мои руки дрожали, пока я сжимала и разжимала кулаки, разгоняя кровь, застывшую в запястьях. Кончики пальцев покалывало.

Впереди сверкнула серебристая «хонда», и у меня вырвался рваный вздох. Сейчас я поеду домой и...

— Мэллори.

Пульс подскочил при звуке моего имени, и я едва не споткнулась. До машины и спасительного бегства оставалось всего несколько шагов, но я медленно обернулась.

Он стоял возле красного внедорожника, которого не было на парковке сегодня утром, и я даже не заметила его, когда неслась к своей машине. В лучах солнца его обычно черные волосы казались каштановыми, кожа еще более смуглой, а черты лица резко очерченными. Мне вдруг захотелось задать ему столько вопросов. Что он делал все эти четыре года? Кто-нибудь наконец усыновил его? Или он так и скитался по приютам?

И, самое главное, в безопасности ли он теперь?

Не все сиротские приюты плохи. И не все приемные родители оказываются монстрами. Взять хотя бы Карла и Розу. *Добро*, которое они несут, достойно благоговения. Они приняли меня в свою семью, но прежде мне и этому мальчику, что стоял сейчас передо мной, совсем не везло. Нас воспитывали худшие из людей, которым каким-то образом удалось получить разрешение на опеку. Социальные службы вечно страдали от нехватки средств и персонала, и большинство из них старались как могли, но в их контроле оставалось слишком много прорех, чем и пользовались нечистоплотные опекуны, и мы стали их жертвами.

Большинство приемных детей не задерживались в одном приюте или детском доме дольше двух лет. Они воссоединялись с родителями или попадали в приемные семьи. Нас почему-то не выбрал никто, кроме мистера Генри и мисс Бекки, и я до сих пор не могла понять, почему они захотели взять нас и при этом так плохо обращались с нами. Соцработники сменяли друг друга, как времена года. Школьные учителя видели, каково нам приходится в приемной семье, но никто не хотел рисковать своей работой и вмешиваться. Горечь от сознания людского равнодушия и жестокости по-прежнему цеплялась ко мне, как вторая кожа, и я сомневалась, что когда-нибудь смогу ее сбросить.

Но во всем бывает и плохое, и хорошее. Нашел ли он наконец что-нибудь хорошее?

— Неужели? — проговорил он, крепче сжимая старую тетрадку. — После всего, что было, после четырех лет неизвестности, когда я не знал, что с тобой, ты вдруг появляешься на этой гребаной риторике, а потом просто сбегаешь? От меня?

Я резко вздохнула, опуская руки. Сумка соскользнула с моего плеча и шлепнулась на горячий асфальт. Мне стало стыдно, но в глубине души я не удивилась тому, что он догнал меня. Он никогда не сбегал. Он никогда ни от чего не прятался. Так всегда поступала я. Мы были инь и янь. Моя трусость против его храбрости. Его сила против моей слабости.

Только я стала другой.

Я больше не Мышь.

Я больше не трусиха.

Я больше не слабачка.

Он сделал шаг вперед, но вдруг остановился, покачал головой, и его грудь сотряслась от неровного дыхания.

— Скажи что-нибудь.

Я с трудом пыталась выдавить из себя слово.

— Что?

— Хотя бы мое имя.

Для меня осталось загадкой, почему он захотел, чтобы я назвала его имя, и я не знала, смогу ли снова произнести его спустя столько лет, но, тем не менее, собралась с духом и выпалила:

— Райдер. — Еще один судорожный вздох. — Райдер Старк.

Я видела, как он тяжело сглотнул, и на какое-то мгновение мы оба замерли. Теплый ветерок разметал пряди волос по моему лицу. И тут он выронил из рук тетрадку. Странно, что она не рассыпалась в пыль. Его длинные ноги разом преодолели расстояние между нами. Только что нас разделяли несколько шагов, а уже в следующее мгновение он оказался прямо передо мной. Он стал таким высоким. Я едва доставала ему до плеча.

И вдруг он обнял меня.

Мое сердце взорвалось, когда сильные руки притянули меня к его груди. В какой-то момент я оцепенела, а потом обвила его шею руками. Я прижалась к нему, закрывая глаза, вдыхая свежий аромат его тела и неуловимый запах лосьона после бритья. Это *он*. Его объятия стали другими — сильными, крепкими. Он оторвал меня от земли, одной рукой удерживая за талию, а другой зарывшись в волосы, и мои груди расплющились о его твердокаменную грудь.

Вау.

Меня обнимал явно не мальчик двенадцати лет.

— Господи, Мышь, ты даже не представляешь... — Его голос прозвучал грубо и хрипло, когда он поставил меня обратно на землю, но не выпустил из рук. Он по-прежнему держал меня за талию. Другой рукой теребил мои волосы. Его подбородок царапал мне макушку, пока мои руки скользили по его телу. — Никогда не думал, что снова увижу тебя.

Я уперлась лбом ему в грудь, чувствуя, как колотится его сердце. Я слышала голоса вокруг и догадывалась, что на нас наверняка таращатся, но плевать я хотела на всех. От Райдера веяло теплом и силой. Он был настоящий. Живой.

— Черт, я даже не собирался сегодня в школу. Если бы я не... — Его руки выпутались из моих волос, и я почувствовала, что он вытянул прядку. — Посмотри на свои волосы. Ты больше не рыжик.

Сдавленный смешок вырвался у меня. Когда я была маленькой, мои волосы напоминали ярко-рыжую копну колтунов и непослушных кудряшек, но, слава Богу, с годами буйство цвета улеглось. Помог и визит в парикмахерскую. Правда, кудри и волны возвращались, как только чувствовали влагу.

Райдер слегка отстранился, и, открыв глаза, я увидела, что он изучает мое лицо.

— Посмотри на себя, — пробормотал он. — Ты стала совсем взрослой. — Парень отпустил мои волосы, и мурашки пробежали у меня по спине, когда он провел большим пальцем по моей нижней губе. Прикосновение удивило меня. — И все такая же тихая, как мышь.

Я напряглась. *Мышь.*

— Я не... — Все, что я собиралась сказать, сторело в огне, потому что его палец скользнул по моей скуле, и, хотя подушечка была мозолистой и грубой, ласка показалась мне самой нежной.

Я заглянула в его глаза, которые уже и не чаяла увидеть вновь, но он действительно был здесь. Боже мой, Райдер был здесь, и в голове закружилось столько всяких мыслей. Я успевала ловить лишь их обрывки, но воспоминания выплывали на поверхность, как солнце, восходящее на гребень горы.

Однажды ночью я проснулась, испугавшись громких голосов, доносившихся снизу. Я прокралась в соседнюю комнату, где спал Райдер, и он позволил мне забраться к нему в постель. Он почитал мне книжку, мою любимую, которую называл «глупой историей кролика». Я всегда лила над ней слезы, но он читал, чтобы отвлечь меня от криков, которые сотрясали стены нашего ветхого домика. Мне было пять лет, и с той поры он стал для меня целым миром.

Райдер вдруг оторвался от меня и схватил за правую руку. Он поднял ее и задрал рукав тонкого кардигана, потом нахмурился.

— Ничего не понимаю.

Мой взгляд скользнул к его руке, державшей мое запястье. Кожа на сгибе локтя была чуть более розовой, как и на тыльной стороне руки и ладони, но это не бросалось в глаза.

— Мне сказали, что ты сильно обгорела. — Он пристально посмотрел на меня. — Я видел, как тебя несли на носилках, Мышь. Я помню отчетливо, как будто это случилось вчера.

— Я... Карл... — Я покачала головой, когда он еще больше нахмурился. Ясное дело, он понятия не имел, кто такой Карл. Я сосредоточилась, сделала над собой усилие и снова попыталась объяснить. — Врачи из клиники Джона Хопкинса. Они... сделали пересадку кожи.

— Пересадку кожи?

Я кивнула.

— У меня были... лучшие врачи. Там... почти не видно шрамов. — Ну, на моей заднице, откуда они брали лоскуты, кожа тоже имела другой оттенок розового, но я сомневалась, что кто-нибудь увидит это в ближайшее время.

Его большой палец медленно поглаживал мое запястье, отчего по всей руке разливалась сладкая дрожь. Он долго молчал, не отпуская мой взгляд. Золотистые крапинки в его глазах блестели ярче, и сами глаза казались ореховыми, а не карими.

— Мне сказали, что к тебе нельзя. Я спрашивал. Даже ездил в окружную больницу.

Сердце заныло.

— Ты ездил?

Райдер кивнул, и линия его рта смягчилась.

— Тебя там не было. Или, по крайней мере, так сказали мне. Одна из медсестер позвонила в полицию. Все кончилось тем, что я... — Он тряхнул головой. — В общем, это неважно.

— В итоге ты оказался... где? — спросила я, потому что для меня это было важно. Все, что происходило с Райдером, имело значение, даже если целому миру было на него наплевать.

Его густые ресницы дрогнули.

— Полиция и органы опеки решили, что я сбежал. Тупее не придумаешь. Зачем мне бежать в больницу?

Наверное потому, что в органах опеки имелось на нас досье толщиной с «хонду». А еще потому, что мы с Райдером уже сбежали. И не раз. Мне было восемь, а ему только что исполнилось девять, когда мы решили, что сможем прожить самостоятельно.

Мы добежали до ближайшей закуской «Макдоналдс», что находилась в двух кварталах от дома, прежде чем нас разыскал мистер Генри.

Были и другие попытки — всех не сосчитать.

Райдер вдруг рассмеялся, а у меня сжалось сердце, потому что, подняв взгляд, я не увидела улыбки на его красивом лице.

— Той ночью... — Он сглотнул. — Прости, Мышь.

Вздрагнув, я отступила назад, но парень схватил меня за руку.

— Я должен был его остановить, но не сделал этого. — Его глаза потемнели. — Мне не следовало пытаться...

— Ты ни в чем не виноват, — прошептала я, внутренне сжимаясь от его слов. Я подняла на него взгляд. Неужели он всерьез верил, что все произошло из-за него?

Он наклонил голову.

— Виноват — я дал тебе обещание. И не сдержал его в самую трудную минуту.

— Нет, — возразила я, и, когда он приготовился отвечать, отняла руку, чем явно удивила его. — Такие обещания... нельзя давать. Никогда и никому.

Да, Райдер обещал всегда быть рядом и защищать меня и делал все возможное, чтобы не нарушить свое слово. Но есть вещи, которые невозможно контролировать, особенно ребенку.

Его брови взметнулись, и губы слегка изогнулись.

— Я что-то не припомню, чтобы ты когда-нибудь говорила мне «нет».

Я уже приготовилась сказать, что для этого никогда не возникало повода, как в наш разговор вторглась грохочущая музыка. Она, как звонок будильника, заставила нас очнуться и напомнила, что мы не одни, не спрятаны от всех в раковине. Мир вокруг продолжал жить своей жизнью. Музыка звучала все ближе, и, когда от низких басов задрожали окна соседней машины, Райдер скользнул взглядом поверх меня. Он стоял так близко ко мне, так что его стоптанные кроссовки упирались в мои сандалии.

Он опустил голову и полез в задний карман джинсов за мобильником.

— Какой у тебя номер, Мышь?

Стало ясно, что ему пора уходить, а мне так не хотелось его отпускать. У меня накопилось столько вопросов, миллионы вопросов, но я продиктовала ему свой телефонный номер и обтерла влажные ладони о джинсы.

— Эй, Райдер, ты готов? — раздался голос из орущего автомобиля. Я узнала его. Гектор

из класса риторики. — Нам пора валить.

Райдер снова посмотрел мимо меня и вздохнул. Сделав шаг назад, он поднял валявшуюся тетрадку, а заодно и мою сумку. Парень перебросил ее мне через плечо, и его пальцы ловко убрали пряди волос из-под ремня.

Он слегка улыбнулся, когда окинул меня взглядом.

— Мышь.

— Кое-кто надерет тебе задницу! — крикнул Гектор, и мое сердце учащенно забилося. Но я успокоилась, когда до меня дошло, что он шутит. Просто дразнит.

Райдер опустил руку и повернулся к машине. Я машинально последовала за ним, как будто меня затыгивало его гравитационное поле. Старенький «форд эскорт» с голубыми гоночными полосками тарыхтел на холостом ходу. Гектор сидел за рулем, широко улыбаясь, высунув руку из окна и постукивая по дверце.

— Эй, *tami*,^[4] — окликнул он меня, и его ухмылка стала еще шире, когда он прикусил нижнюю губу. — *Que cuerpo tan brutal*.^[5]

Я понятия не имела, что он говорит, но, кажется, он обращался ко мне.

— Заткнись! — рывкнул Райдер и, накрыв своей большой ладонью лицо Гектора, затолкал его обратно в машину. — *No la mires*.^[6]

Я по-прежнему не понимала, что все это значит, но слова, которыми они перебрасывались, не очень-то напоминали классический испанский, который я слышала дома в разговорах Розы и Карла. Впрочем, это мог быть и испанский, который я так и не освоила, поскольку приемные родители давно отказались от попыток ему научить меня.

Глубокий мужской смех раздался из машины, и Гектор забился головой о спинку сиденья. В следующее мгновение я увидела уже знакомое мне лицо.

Джейден.

Он пролез к окну со стороны пассажирского сиденья, перекатившись через Гектора.

— Эй! — крикнул он. — Кажется, я тебя знаю.

— Ты ее не знаешь, — осадил его Райдер, распахивая заднюю дверцу. Усаживаясь на сиденье, он еще раз посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, потом дверь захлопнулась, и тонированное стекло скрыло его лицо.

«Эскорт» рванул с места.

Я смотрела ему вслед, смутно сознавая, что кто-то запрыгивает во внедорожник, припаркованный рядом с моей машиной. Все еще в тумане, я села за руль и положила сумку на пассажирское сиденье.

— Вот это да, — прошептала я, уставившись в лобовое стекло. — *Ни фига себе*.

Не помню, как я добралась до дома, что, вероятно, не делает мне чести. Но всю дорогу я находилась будто в тумане. К тому времени, как я вошла в дом, встреча с Райдером уже казалась чем-то нереальным. Я бы не удивилась, узнав, что все это мне приснилось.

Я сделала глубокий, успокаивающий вдох.

Четыре года. Четыре года я сдирала с себя грязную шелуху прошлого. Четыре года пыталась забыть десять лет *ада*, забыть все, что с ними связано. Все, кроме Райдера, потому что он не заслуживал того, чтобы я вычеркнула его из своей жизни. Но он был прошлым — светлой его частью, но все равно прошлым, которое я не хотела вспоминать.

Я проскользнула на кухню, где застала Розу, одетую в бледно-голубой хирургический костюм, разрисованный кошачьими лапками, ее волосы были собраны в высокий хвост. Роза сделала все, чтобы быть дома пораньше и встретить меня после школы. Подняв брови, она повернулась ко мне.

— Эй, гонщица, куда ты? — спросила Роза, отставляя миску с чем-то вкусным. Я учуяла запах итальянского соуса.

Во мне клокотало столько эмоций, меня распирало от желания рассказать ей о Райдере — наверное, чтобы убедить себя в том, что я его не выдумала, — но все слова застряли в горле. Расскажи я ей про Райдера — и она не выдержит и страшно запаникует, в этом я почти не сомневалась.

Потому что на глазах у Розы я столько лет сдирала с себя ошметки прошлого. Хотя доктор Тафт был из команды «Прими свое прошлое» и они соглашались практически со всем, что он говорил, Роза и Карл действовали по принципу «Твое прошлое в прошлом». Они твердо верили, что все пережитое должно остаться в том времени, которому оно принадлежит. А Райдер... он явился из прошлого.

Поэтому я лишь пожала плечами и метнулась к холодильнику, чтобы достать банку колы.

— Как прошел твой первый день? — спросила женщина и нахмурилась, не одобряя мой выбор напитка.

Я улыбнулась, хотя и чувствовала, как крошечные змейки нервозности уже шевелятся у меня в животе. Они активизировались, как только я села в машину.

Роза выжидающе склонила голову набок.

Я вздохнула, перекатывая банку в руках.

— Все нормально.

Ее губы изогнулись в улыбке, и тоненькие морщинки собрались вокруг глаз.

— Это хорошо. Даже здорово. Так что, никаких проблем?

Я покачала головой.

— Познакомилась с кем-нибудь?

Я хотела опять покачать головой, но вовремя спохватилась.

— Я... в общем, с девочкой из моего класса по английскому.

Брови на ее лице удивленно взлетели вверх.

— Ты разговаривала с ней?

Я пожала плечами.

— Вроде того.

Она смотрела на меня так, будто у меня выросла третья рука.

— Что значит *вроде того*, Мэллори?

Я открыла банку колы.

— Она учится в моем классе и первой представилась мне. Я сказала ей... ну, может, слов семь.

Удивленное выражение лица Розы сменилось широкой улыбкой, и я почувствовала себя увереннее, на мгновение забыв о неожиданной встрече с Райдером. Ее улыбка светилась гордостью, и я купалась в этом тепле.

Докажи нам. Так сказал Карл сегодня утром, и сейчас улыбка Розы говорила мне, что я все-таки смогла доказать. Роза, как никто другой, знала, как далеко я продвинулась, и как нелегко мне дается общение с незнакомыми людьми, даже если оно ограничивается всего лишь семью словами.

— Это просто замечательно. — Она подошла ближе, обняла меня и крепко прижала к груди. Я с наслаждением вдохнула странный запах антибактериального мыла и еле уловимый аромат яблочного лосьона, которым она пользовалась. Женщина коснулась губами моего лба и отстранилась, сжимая мои плечи. — Что я тебе говорила?

— Что... это будет нетрудно, — сказала я.

— А почему?

Я повозилась с колечком на крышке банки.

— Потому что я уже... проделала большую работу.

Она подмигнула.

— Умница. — Потом снова сжала мои плечи. — Жаль, что я не смогла проводить тебя утром в школу. Я очень хотела быть с тобой.

— Я... понимаю. — Моя улыбка растянулась так, что заломило щеки. Хоть Роза и не была моей матерью по крови, но именно такой я хотела бы видеть свою мать, и мне с ней чертовски повезло.

Она было открыла рот, но тут зазвонил ее телефон. Протянув руку, женщина схватила трубку со стола и быстро ответила. В ее позе читалось напряжение.

— Проклятье, — пробормотала она. — Можешь подождать секунду? — Роза нажала кнопку отключения звука. — Мне надо ехать в больницу. Возникли некоторые осложнения после утренней операции.

— О нет, — прошептала я, надеясь, что она не потеряет пациента. Если набрать в поисковике слово «*сильный*», клянусь, рядом с ним появится имя Розы Ривас, однако смерть каждого пациента она переживала, как потерю члена семьи. Только в такие минуты я видела ее с рюмкой. Она брала бутылку вина и запиралась в кабинете, пока Карл уговорами не выманивал ее оттуда.

Я не раз задавалась вопросом, связано это с Маркетт или так страдают все врачи. Маркетт не стало за пять лет до той ночи, когда я вошла в их жизнь, так что вот уже десять лет они жили без нее, но я знала, что это не могло облегчить их горя.

— Такое бывает, — вздохнула Роза. — Карл тоже задержится. В холодильнике есть еда.

Я кивнула. Они оба работали в клинике Университета Джона Хопкинса, где, собственно, и создавалась кардиохирургия — это я узнала от них. Клиника Хопкинса считалась одной из лучших в мире, и в свободное от операций время Роза и Карл занимались преподавательской деятельностью.

Она замешкалась, задумчиво глядя на экран мобильного.

— Мы поговорим утром, хорошо? — Женщина задержала на мне взгляд своих темных

глаз, потом коротко улыбнулась и шагнула к двери.

— Пстой! — воскликнула я и едва не окочурилась от собственной смелости, когда она повернулась ко мне, вытаращив глаза. Мои щеки пылали. — Скажи... что значит *no la mires?* — проговорила я по слогам, как типичная американка, которая совсем не сечет в испанском.

Ее брови снова взметнулись вверх.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами.

— Кто-то сказал тебе это? — Когда я не ответила, уже сомневаясь в том, что хочу это знать, женщина вздохнула. — Вообще-то это означает «не смотри на нее».

Ой.

Ой-ой.

Роза прищурилась, глядя на меня, и я почему-то подумала, что именно об этом мы будем говорить завтра утром. Помахав ей рукой, я выскочила из кухни и взлетела вверх по лестнице, перемахивая через две ступеньки.

Моя спальня, с видом на улицу, находилась в самом конце коридора, по соседству с ванной, которой я пользовалась. Помню, Роза назвала ее комнатой приличного размера. Я находила ее дворцом. Она вмещала огромную двуспальную кровать, широкий комод и письменный стол. Больше всего я любила сидеть на подоконнике в эркере. Отличная точка для наблюдения за людьми.

Но что мне больше всего нравилось в моей комнате — правда, от этого я чувствовала себя последней дрянью, — так это то, что Маркетт никогда в ней не жила. Мне и без того приходилось тяжело, когда я садилась за руль ее автомобиля или размышляла о поступлении в колледж, который для нее так и остался мечтой. И спать на ее кровати было бы уж слишком.

Бросив сумку, я схватила со стола ноутбук и забилась в угол подоконника, поставив банку с колой на карниз. Как только компьютер вышел из режима сна, ожил мессенджер мгновенных сообщений.

Эйнсли.

В иконке открылась ее фотография, сделанная этим летом — светлые волосы с выбеленными солнцем прядями, темные очки на пол-лица, сложенные уточкой губы. Я прочитала ее сообщение:

Выбралась живой?

Я усмехнулась и ответила коротким «да».

Как все прошло?

Я закусила губу, на мгновение закрыла глаза, а потом напечатала то, о чем мне хотелось кричать во всю мощь своих легких.

Райдер учится в моей школе.

Лэптоп тотчас взорвался восклицаниями и перепевами «о боже», за которыми

последовали длиннющие цепочки «Боже мой!» в различных вариациях хихиканий и причитаний «*вот это да!*». Эйнсли знала о Райдере. Она знала историю моего детства. Конечно, не во всех подробностях, потому что некоторые вещи одинаково трудно объяснить и на словах, и в письме, к тому же она понимала, что я не слишком разговорчива. Но сейчас она, как никто, могла проникнуться моими переживаниями.

Ты не виделась с ним 4 года. Я чуть не описалась, Мэл!!! Это просто супер. Расскажи мне все-все-все!

Покусывая губу, я изложила хронику событий, периодически прерываемую ее возгласами «*боже!*» и «*вишиши*». Когда я закончила, Эйнсли отстучала:

Надеюсь, ты взяла у него номер?

Уф. Нет, не взяла, ответила я. Он записал мой.

Кажется, ее устроил такой вариант, и мы проболтали, пока для нее не наступил комендантский час. Эйнсли ограничили доступ к Интернету по вечерам после того, как ее мама обнаружила фотографии, которые она отправляла своему парню, Тодду, еще в июле. Не то чтобы скабрзные — просто в бикини, — но ее мама капитально психанула и, к моему изумлению и ужасу, заставила Эйнсли смотреть видеоролики о родах в целях сексуального просвещения.

Излишне говорить, что после этих просмотров Эйнсли зареклась рожать детей, но интереса к сексу в ней не поубавилось.

Она отключилась, пообещав, что мы увидимся в эти выходные. Остаток вечера я бесцельно слонялась по дому, слишком взвинченная, чтобы доесть остатки приготовленной Розой курицы, пусть даже и запеченной в ломтиках апельсина и лайма. Я старалась не думать о школе или о Райдере, как и не пялиться в телефон, который упорно молчал, но, черт возьми, невозможно было отвлечься от всего, что произошло за сегодняшний день, сложившийся вовсе не так, как я себе представляла.

В том смысле, что этот день не закончился слезами или тихой истерикой где-нибудь в углу, и, даже несмотря на провальную обед, мне удалось поговорить с Кейрой. Семь слов все-таки лучше, чем ничего. Короче, мой первый день в школе прошел без серьезных сбоев. И этого достаточно, чтобы чувствовать себя победителем, что я и делала, но...

Я не знала, что думать, когда мысли мои возвращались к Райдеру.

Расхаживая взад-вперед по комнате, я машинально погладила слегка припухлую кожу тыльной стороны руки. Во мне снова поднялась буря чувств, сотканных из отчаяния и предвкушения. Мне не терпелось увидеть его, поговорить с ним, но я... боже, наверное, ничего не получится, потому что всякий раз, когда я думала о Райдере, во мне оживало еще одно чувство.

Вины.

Остановившись у окна, я крепко зажмурилась. Райдеру доставалось... Он терпел страшные *побои* из-за меня. Раз за разом он вмешивался, вставая между мясистыми кулаками и мною, и однажды, когда не смог остановить насилие, мне наконец удалось вырваться из этой жизни. Я получила второй шанс, дом, семью *врачей* и, черт подери, кучу всяких благ. А

Райдер? Что получил он? Мне оставалось лишь гадать.

Я сердцем чувствовала, что у него далеко не *такая* сытая жизнь, как у меня, и разве это справедливо? В душе разливалась горечь. Как он мог смотреть на меня так, как смотрел сегодня, и не думать о том, чем пожертвовал ради меня?

Боже.

Я снова принялась вышагивать взад-вперед. Ладно. Мне нужно успокоиться и посмотреть на положительные стороны. Райдер жив. Он учится в школе, возможно, встречается с красивой девушкой из класса риторики, и, хотя я знала, что даже самые серьезные травмы можно тщательно скрывать, я не увидела на нем свежих синяков или ссадин. И не похоже, что он ненавидит меня. Можно и это считать моей победой — и, в конце концов, сосредоточиться на том, что я успешно завершила свой первый день в школе.

Да, это самое главное.

Кстати, нелишне было бы прочитать главу, заданную по истории. Я так увлеклась чтением, что забежала далеко вперед, пока не услышала, как внизу открылась дверь гаража. Закрыв учебник, я перевернулась на другой бок и погасила свет, зная, что Карл и Роза не зайдут ко мне, если подумают, что я сплю. Слишком много месяцев я провела без сна, и они берегли мой покой, стараясь не будить меня без крайней необходимости.

Я только задремала, когда ожил мой телефон на прикроватной тумбочке. Рука метнулась вперед, схватила его, а сердце забилося где-то в горле.

На экране появились всего три слова, отправленные с неизвестного, местного номера.

Спокойной ночи, Мышь.

На следующее утро, лишь только я заглянула в глаза Розы, то практически сразу увидела, что колесо моей судьбы катится навстречу моей гибели. Роза стала допытываться, почему я интересовалась той злосчастной фразой на испанском.

Кто меня дернул за язык?

Роза была умна и наблюдательна, как кошка, и то, что фраза, как она сказала, звучала по-пуэрторикански, не могло ее не насторожить.

Мой взгляд намертво приклеился к коротенькому сообщению с пожеланием спокойной ночи. Меня как будто парализовало... в голове роилось столько мыслей, столько всего хотелось написать в ответ, но к тому времени, когда я подобрала подходящие слова, шел уже второй час ночи, и я побоялась его разбудить.

Нет, я все-таки придурочная. Seriously.

Утром в школе я довольно быстро усвоила, что попытки ориентироваться в переполненных коридорах, находясь в полусонном состоянии, могут стать сюжетом какого-нибудь романа-антиутопии из тех, что я читала.

Выгрузив учебник по риторике в серый стальной гроб своего шкафчика, я схватила книжки для первых двух уроков, решив, что потом успею заскочить и взять остальные. Я стала закрывать дверцу, стараясь не думать о встрече с Райдером и настраиваясь на то, что если Кейра захочет пообщаться, обязательно поддержу разговор. Дверца застряла. Вздохнув, я снова открыла ее и, приложив чуть больше усилий, захлопнула. На этот раз замок сработал. Довольная, я подхватила сумку и повернулась, чтобы идти в класс.

— Ты?

Я обернулась на голос и поискала глазами, кто бы это мог быть, а потом увидела ее. Девушку из класса риторики. Девушку, которая прикасалась к Райдеру так, словно это было в порядке вещей и он не имел ничего против.

— Это ты. — Ее карие глаза сузились. — Я бы хотела ошибиться, но это действительно ты.

Краем глаза я увидела, как девочка с косичками, которая вчера сказала мне: «Привет», остановилась в нескольких шагах от нас, поглядывая на шкафчик, у которого стояла моя собеседница. Потом «Косички» попятились и дали деру.

О, черт, это не к добру.

Девушка поджала глянцево-розовые губы.

— Ты ведь не догадываешься, кто я, не так ли?

Медленно, я покачала головой.

— А я знаю, кто ты, и не потому, что ты в моем классе риторики. Я просто не могу поверить, что это *ты*, — продолжала она. — Думаю, тебе давно уже пора сдохнуть или что-то в этом роде.

Сердце ушло в пятки. Второй день в школе, а я уже получаю смертельные угрозы?

Ремень потертой оливково-зеленой сумки-почтальонки чуть соскользнул с ее плеча.

— Чтобы ты знала, я — девушка Райдера, — решительно произнесла она.

Ого.

Ого.

Что ж, тогда это объясняет характер прикосновений.

В груди родилось странное ощущение. Нето чтобы разочарование. Скорее, признание факта. Конечно, я догадалась обо всем еще вчера, когда увидела, как они заходят в класс. Да, он красавец. И девушка ослепительна. Они великолепно смотрелись вместе, и это понимала даже я, не имевшая никакого опыта в амурных делах. Но я же смотрела телевизор. Читала книги. Дружила с Эйнсли. Я понимала, что отношения Райдера с этой девушкой вполне закономерны.

Она придиричиво оглядывала меня, словно пыталась что-то понять.

— Он говорил...

— Что тут происходит? — Откуда ни возьмись, рядом с девушкой нарисовался Джейден.

При ближайшем рассмотрении он выглядел моложе меня и этой девушки. Может, он в девятом или десятом классе? Его глаза, такие же светло-зеленые, как у Гектора, не казались воспаленными, как вчера, когда мы столкнулись в коридоре.

Девушка посмотрела на него сверху вниз с не меньшим удивлением, чем я.

— Чего тебе?

— Не будь *puta*,^[7] Пейдж. — Зеленые глаза закатились, но губы дернулись в ухмылке, когда он протянул руку и потянул ее за пышную косу. — Кто ты сегодня? Китнисс^[8] из гетто?

Она выдернула косу из его рук.

— Ты даже не знаешь, кто такая Китнисс, ты, мелкий панк. Наверное, думаешь, что «Голодные игры» — это то, что бывает после того, как ты нанюхаешься.

Хм.

— Похоже на правду. — Джейден подмигнул мне и лукаво улыбнулся. — А я тебя знаю. Мы вчера столкнулись в коридоре. — Он помолчал. — И я видел, как вы болтали с Райдером после уроков — там, на парковке.

Мой взгляд метнулся к девушке, которую звали Пейдж. В ее глазах застыл лед.

— Ты немая или как? Ты не сказала мне ни слова, — бросила она.

Знала бы ты, *насколько* я немая.

Брови Джейдена сошлись на переносице, когда он взглянул на нее.

— Глупый вопрос, Пейдж. Говорю же, я видел, как она разговаривала с Райдером.

— Знаешь, что? — Лицо девушки сморщилось, но даже это не испортило ее красоты. Она повернулась к нему и уперлась руками в бедра. — Мальчик, тебе своего дерьма не расхлебать, так что не лезь еще и в чужое.

Он склонил голову набок.

— Смелые речи цыпочки, которая всегда сует нос в мои дела.

Они явно увлеклись выяснением отношений, и, пока эти двое грызлись — похоже, не в первый и не в последний раз, — я повернулась и незаметно влилась в поток учащихся.

Ты немая?

Мои щеки горели, когда я добрела до своего класса, и смущение быстро переросло в злость — в основном на себя. Я могла бы сказать ей что-нибудь, что угодно, вместо того чтобы стоять истуканом, словно у меня и впрямь нет языка.

И, боже. Она — девушка Райдера. Я не ошиблась. Девушка, которая спросила, не немая ли я, девушка, рядом с которой я выглядела полным лузером, — *его* девушка.

Мне хотелось биться головой о парту.

Немая.

Видит Бог, как я ненавидела это слово.

Все считали меня немой — мисс Бекки и мистер Генри, социальные работники, тетки

из опеки. Даже Карл думал так поначалу, когда они с Розой впервые увидели меня. Только Райдер знал, что это не так. Что я умею говорить и говорю не хуже других.

Но сегодня я промолчала.

Доктор Тафт как-то произнес мудреную фразу, объясняя, почему я так долго не разговаривала — посттравматический синдром, сказал он, после всего... всего, что я испытала в раннем детстве. Половину наших занятий мы посвятили выработке механизмов адаптации и восстановлению речи.

Столько сил ушло у меня на то, чтобы прийти к сегодняшнему дню, когда я поняла, что мне больше не нужны сеансы психотерапии, и надо же — всего несколько минут отбросили меня на двадцать шагов назад. Я снова почувствовала себя Мэллори в пять лет, потом в десять, в тринадцать — Мэллори, которая ничего не умела и ничего не говорила. Мэллори, которая всегда предпочитала отмалчиваться, потому что ей казалось, что это самый безопасный путь.

Я ненавидела это чувство.

Я крепко, до боли в пальцах сжала авторучку. Слезы разочарования обжигали горло, и я никак не могла сосредоточиться на уроке химии, и еще труднее было не поддаться эмоциям, особенно когда до меня дошло, что я опять сижу на «галерке».

Не привлекая к себе внимания.

Кейра повернулась ко мне, как только уселась за парту в классе английского.

— Слушай. У меня к тебе очень странный вопрос.

Застигнутая врасплох, я захлопала ресницами, и в животе разлилась пустота. Неужели она тоже хочет спросить, не немая ли я?

Она улыбнулась, заправив за ухо шальной завиток, который тут же выпрыгнул обратно. Ярко-синие сережки свисали с крошечных мочек ее ушей.

— Ты никогда не думала о том, чтобы попробовать себя в чирлидинге?

Я вытаращила глаза. Это шутка, да? Потом я оглядела класс. Никто не смотрел в нашу сторону и не держал наготове мобильник, чтобы запечатлеть этот момент для потомков.

— Я хочу сказать, ты с виду довольно крепкая. Тебя можно поставить как базу или споттером,^[9] — сказала она, пожимая плечами, как будто не она только что назвала меня *крепкой*. — Понимаешь, мы в отчаянии. Мало кто из девчонок соглашается, а вчера на тренировке одна из наших сломала запястье, так что я подумала о тебе. — Она пробежалась пальцами по тонкой руке, покрутив голубой браслет. — Ну, что скажешь?

Э-э.

— Ты очень симпатичная, а сине-красная форма будет отлично смотреться с твоими волосами, — продолжила она, покосившись на дверь.

Мой язык стал ватным, горло распухло, и мне пришлось напрячь всю свою волю, чтобы заставить себя сделать то, к чему я готовилась столько лет, и доказать самой себе, что мои усилия не напрасны.

— Мм... думаю, я не из таких типа «давай-давай, ура-ура».

Она изящно выгнула темную бровь.

— А я, по-твоему, из таких?

Я покачала головой, не уверенная в том, что дала правильный ответ. По правде говоря, я вряд ли могла бы сойтись с чирлидершами. В моем представлении, они шумные, болтливые, популярные и знают тысячи вещей, а у меня не было абсолютно никакого опыта. Впрочем,

как я могла судить о том, чего я не знала. Кейра оказалась первой, кого я встретила в реальной жизни, а мои предположения основывались лишь на фильмах и книгах. Видит Бог, фильмы и книги часто насаждают довольно отстойные стереотипы.

Поморщившись, я поняла, насколько оскорбительным могло ей показаться мое высказывание. «Давай-давай, ура-ура»? Все-таки иногда лучше помалкивать.

Кейра тихо засмеялась.

— Это действительно весело. По крайней мере, подумай об этом, ладно?

Авторучка, которую я сжимала, уже грозила взорваться синими чернилами и забрызгать мне пальцы.

— Хорошо, я подумаю.

Ее улыбка растянулась до ушей.

— Клево. Ты обедаешь во вторую смену, верно? В следующий перерыв? Кажется, я видела тебя вчера в столовой, но ты быстро убежала. А потом ты была на риторике, да? Я тебя заметила, хоть это и трудно, когда в классе появляется Крутой Гектор.

Я кивнула, не представляя себе, куда заведет этот разговор.

— В общем, если тебе будет скучно за обедом, найдешь меня. — Девушка перевела взгляд на свою тетрадь и записала дату в верхнем правом углу. — Я обычно сижу у входа — за самым шумным столиком. Нас не пропустишь.

Она что же, приглашает меня на обед? О боже, Пейдж со своей косичкой а-ля Китнисс подавится от злости. Я опять чувствовала себя победителем. Это был огромный шаг в правильном направлении, и, как сказала бы Эйнсли, если все время молчать, лучше сразу зашить себе рот.

— Ладно! — выпалила я, и, наверное, выглядела глуповато, но меня распирало от восторга, как если бы сразу четыре рождественских утра слились в одно.

Кейра усмехнулась. Когда через сорок долгих минут поэтических рассуждений мистера Ньюберри о давно почивших писателях-мужчинах прозвенел звонок, она помахала мне и скрылась в коридоре.

Я сделала остановку у своего шкафчика, поменяла учебники, втайне радуясь тому, что Пейдж не выскочила из-за угла. Мне не хотелось думать о ней, как и о том, кем она приходится Райдеру.

Прокручивая в голове привычные ободряющие слова, я спустилась на первый этаж и прошла мимо витрины со школьными трофеями. *Я смогу это сделать. Я справлюсь.* Но стоило мне шагнуть в переполненную столовую, как у меня опять сдавило горло, и я решила, что, пожалуй, сначала надо подойти к стойке раздачи.

Краем глаза я все поглядывала на столик, за которым сидела Кейра. Она болтала с какой-то девушкой, но по другую сторону от нее место пустовало. У меня перехватило дыхание. *Я смогу это сделать.* Ноги понесли меня вперед, и я встала в хвост очереди.

— Ты разбиваешь мне сердце.

При звуке голоса Райдера я резко обернулась, инстинктивно прижимая к себе сумку. Первое, что я заметила, это поблекшую эмблему *Ravens*^[10] на его широкой груди. Я заставила себя поднять взгляд. Легкой щетины на лице как не бывало. Сегодня он был гладко выбрит.

Никакой тетрадки. Руки в карманах джинсов, знакомая кривая усмешка на губах и милая ямочка на правой щеке. Мое сердце сделало сальто, когда он приблизился и наклонил голову. Я почувствовала его теплое дыхание на своей щеке.

— Ты не ответила на мою эсэмэску прошлой ночью, — сказал он, и я уловила в его

голосе дразнящие нотки, чего раньше за ним не замечала. — Я подумал, ты могла не догадаться, что это я, но тогда это означало бы, что кто-то другой мог пожелать тебе спокойной ночи и назвать тебя Мышью. Не уверен, что мне бы это понравилось.

Я так яростно замотала головой, что сама удивилась, как не отхлестала его волосами по лицу.

Он рассмеялся себе под нос.

— Шучу. Ты хочешь что-нибудь поесть или?..

Мой взгляд скользнул в сторону, и я увидела Кейру. Она вылупила на нас глаза. Как и блондинка, что сидела рядом с ней. Кейра подняла брови, и ее темные глаза метались между Райдером и мной.

Райдер нагнулся и взял меня за руку. Меня словно током пронзило, и я посмотрела на него.

— Пойдешь со мной? — спросил он.

Зачарованная его красотой и прикосновением, я послушно последовала за ним в короткую очередь за пиццей. Мой обезумевший взгляд скользил по незнакомым лицам в очереди и за столиками. До меня наконец дошло, почему Кейра и ее подружки неотрывно смотрят на нас.

От этого открытия мне стало не по себе.

Мы держались за руки — а между тем у Райдера была девушка.

Чувствуя, как пересохло во рту, я высвободила руку. Пусть в прошлом мы тысячу раз держались за руки, но это казалось неправильным после того, что я узнала про него и Пейдж. Теперь все... стало по-другому.

Райдер взглянул на меня с высоты своего роста, и в его глазах промелькнуло удивление. Я отвернулась. Он положил на одну тарелку два куса пиццы. Мои руки дрожали, когда он схватил бутылку воды и пакет молока.

— Ты по-прежнему запиваешь все молоком? — спросил он, слегка склонив голову набок. Наши взгляды встретились. — Молоко, чтобы выжить?

Я кивнула, а мое сердце превратилось в клейкую массу. Надо же, он помнил, что я пила молоко при каждой возможности, как и сейчас, — молоко и колу, когда разрешали Роза и Карл.

Когда мы подошли к кассе, парень остановил меня взглядом и, прежде чем я успела достать кошелек, расплатился, вытащив из кармана несколько мятых бумажек. Я попыталась возразить, но он зыркнул на меня — строго, из-под опущенных бровей, как делал это в детстве. «Не спорь со мной», — говорил его взгляд. Как странно, что и в восемнадцать лет он смотрел на меня тем же взглядом, думала я, пока плелась за ним, ловко балансирующим с тарелкой и напитками в руках. Райдер кивнул в сторону двери, и я отыскала глазами Кейру. Она склонилась к блондинке, и ее жесткие кудряшки ходили ходуном. Казалось, девушки увлеченно беседовали, и на меня она не посмотрела.

Завтра, пообещала я себе.

Я вышла следом за Райдером из столовой, спрашивая себя, куда он меня ведет. Мы прошли мимо спортзала. В распахнутых дверях промелькнул Гектор, который носился с баскетбольным мячом и что-то кричал, как будто по-испански, но все-таки по-другому. Роза сказала, что пуэрториканское наречие, и мне оставалось поверить ей на слово.

— У меня обед в первую смену, но я слышал, что у тебя во вторую, — сказал Райдер и, видя, что я не поспеваю за ним, замедлил шаг. — Помнишь парня, что сидел перед нами

вчера на риторике? Того засранца в машине? Это Гектор, и у него есть младший брат, Джейден, с которым ты, похоже, столкнулась вчера. Он тоже был в машине. Во всяком случае, Джейден сказал, что видел тебя вчера в коридоре во время второго обеденного перерыва.

Я промолчала. Все это время, пока мы шли по коридору и он говорил, я украдкой бросала на него быстрые взгляды. Ума не приложу, как я ни во что не врезалась.

— И если тебе это интересно... — он сделал паузу, открывая двери в павильон, — да, я сейчас прогуливаю урок.

У меня отвисла челюсть.

— Райдер.

Парень придержал для меня дверь и, склонив голову набок, ждал, пока я пройду. Я остановилась, потому что... ну, просто потому что он стоял передо мной, с тарелкой и напитками. Его глаза отыскивали мои.

— Знаешь, меньше всего на свете я ожидал услышать, как ты произносишь мое имя вслух. Поэтому плевать, что я пропущу один урок, если это даст нам возможность хоть немного пообщаться.

Когда он направился к каменному столику для пикника, мой язык, наконец, отлепился от нёба.

— У тебя... не будет неприятностей?

Обернувшись, парень пожал плечами.

— Игра стоит свеч.

Прозвучало не очень убедительно, но я бы солгала, если бы сказала, что мое сердце не исполнило несколько счастливых кульбитов. Райдер поставил еду на столик и уселся верхом на скамейку. Похлопав по свободному месту рядом с собой, он ухмыльнулся.

Я бросила сумку на брусчатку и, усаживаясь на скамейку, на мгновение замерла, чтобы полюбоваться им. Он смотрел на меня сквозь густые ресницы, склонив голову набок и улыбаясь так, что одинокая ямочка просто умоляла прикоснуться к ней. Я вдруг поймала себя на мысли, что мы с Райдером впервые остались наедине. Никаких посторонних глаз. Никаких всевидящих взрослых. Никто не мельтешил рядом, как вчера на парковке. Мы были одни, только он и я, как раньше.

Не знаю, почему я сделала то, что сделала, но во мне вдруг всколыхнулись все чувства, накопленные за десять лет. Может быть, вспомнилось, чем он был для меня в прошлом. Может, подействовало сознание того, что он рядом, что все это происходит в настоящем.

Никогда еще я так остро не чувствовала *настоящее*, как сейчас.

Нагнувшись, я обвила руками его широкие плечи и крепко стиснула. Наверное, получились самые отстойные объятия в истории человечества, но я ликовала от счастья. И мое счастье взлетело до небес, когда он слегка приподнялся и обхватил меня за талию. Его объятия были куда лучше.

Когда я отстранилась, его руки соскользнули с моей талии на бедра и на мгновение задержались там. Странное тепло разлилось внизу живота. Райдер отпустил меня, но тепло осталось.

— Что это было?

Пожав плечами, я села, убрав ноги под стол. Мое лицо пылало.

— Я... просто захотелось.

— Ну, ты можешь делать это всякий раз, когда захочешь. Я не против.

Я улыбнулась ему, и, когда он усмехнулся, случилась еще одна странность. Я поежилась. Но не от холода. Совсем наоборот.

— Мышь...

Наши взгляды столкнулись, и, черт возьми, я снова почувствовала себя тринадцатилетней девчонкой, которая тайком таскала еду, и в мире существовали только я и Райдер, но теперь мы стали старше и не противостояли вдвоем целому миру. Я уже не была маленькой девочкой. Он не был мальчишкой. Тогда он был... *моим*. Сейчас все изменилось. У него появилась девушка, которая, между прочим, считала меня немой.

Эта мысль отрезвила меня.

Наверное, мне следовало покончить с этими нелепыми порывами. Забыть про странные ощущения в животе. И про дрожь в теле. Все это ни к чему, одернула я себя. Мои фантазии до добра не доведут.

— Ты должна рассказать мне, что делала все это время. — Он подвинул мне ломтик пиццы и передал неизвестно откуда взявшуюся салфетку.

Моя идиотская улыбка стала еще шире, когда я увидела, что он собирает, как в детстве, выковыривать кусочки пеперони, чтобы съесть их, прежде чем взяться за пиццу.

Райдер бросил на меня косой взгляд и произнес размеренным голосом, добывая пеперони.

— Мышь.

Я невольно перевела взгляд на шрам над его бровью, и моя улыбка потускнела. Я вгрызлась в кусок пиццы и глубоко вздохнула.

— В ту ночь... Мм, в ту последнюю ночь я встретила в больнице... Карлоса Риваса — Карла. Он... специалист по ожогам.

Схватив пакет молока, он открыл его длинными пальцами. Я заметила красное пятно, похожее на чернила, на внутренней стороне указательного пальца. Он протянул мне молоко, и я продолжила.

— Он женат на Розе. Она кардиохирург. Они оба... работали в больнице, и, думаю, органы опеки сказали им, что я... немая или что со мной что-то не так.

Райдер нахмурился.

— Ты не немая. И ты в полном порядке. Ты чертовски сообразительная. Выброси из головы все это дерьмо.

Я пожала плечами.

— Они часто навещали меня после того, как я... стала говорить с ними. — Сжав губы, я подцепила большой кусок пеперони. — Когда я проснулась после операции, я... спрашивала о тебе. Спрашивала у Карла.

Тогда впервые за долгие годы я заговорила с посторонним.

Парень резко повернул ко мне голову, и его глаза зажглись золотом.

— Я действительно искал тебя, Мэллори. Как я уже говорил, первым делом я отправился в окружную больницу. Никто так и не сказал мне, где ты. Только... — У него вырвался тяжелый вздох. — Только сказали, что ты не вернешься.

— Я хотела... я искала возможность увидеть тебя. Я все время спрашивала, но... — Что могла сделать испуганная и забитая девчонка? — А что случилось с тобой?

Райдер насупил брови.

— Меня отправили в приют. — Он замолчал и уперся взглядом в остатки пиццы. — Но ведь твоя история на этом не закончилась? Расскажи, что было дальше.

У меня сжалось сердце, и я протянула ему ломтик пеперони. Его губы дрогнули в легкой улыбке.

— Я пробыла недолго в больнице, а потом... меня тоже отправили в приют.

— В какой?

Разговор с ним приносил мне долгожданное облегчение. С каждой секундой я чувствовала себя все более уверенно.

— Возле Гавани... неподалеку от больницы. Карл и Роза... они навещали меня, и в конце концов им удалось взять меня на воспитание.

Его глаза расширились, и кусок пиццы завис на полпути ко рту.

— Тебя удочерили врачи?

Я напряглась, ожидая, что вот сейчас он возмутится такой несправедливостью. Я же ничего не знала о том, как сложилась его судьба. Что, если он до сих пор жил в приюте... или того хуже, потому что с такими, как мы, бывало всякое. Чувство вины по-прежнему подтачивало меня. Я кивнула.

Райдер бросил пиццу на тарелку, и его плечи расслабились, а рот приоткрылся.

— Черт, Мэллори, я так... Что, правда, врачи? Это же здорово! — Когда он посмотрел на меня, я увидела облегчение в его взгляде, и мне стало интересно, как он представлял себе мою жизнь все это время. — Они действительно заботятся о тебе, да?

Я кивнула, подковырнула еще один кусочек пеперони, и наши пальцы соприкоснулись, когда он потянулся за колбасой. Меня как будто опять ударило током. Я не помнила, чтобы его прикосновения когда-нибудь вызывали во мне такую реакцию, но она определенно нравилась мне.

— Та машина, возле которой ты вчера стояла? Это твоя «хонда»?

— Когда-то она принадлежала их дочери.

Райдер вскинул брови.

— Когда-то?

— Их дочь умерла еще до того, как мы встретились. Почти десять лет назад. Думаю, поэтому они меня и взяли, — объяснила я, задумчиво пережевывая пиццу.

Его брови поднялись еще выше.

— Я имею в виду, у них... не было других детей. — Я помолчала. — Они славные, Райдер. Мне очень повезло.

— Жаль, что тебе пришлось встретить их при таких обстоятельствах. — Расправившись с пиццей, парень вытер руки салфеткой и повернулся ко мне. — Я хочу сказать, что рад за тебя, Мышь, потому что ты заслуживаешь такой жизни, но...

— Я знаю... что ты хочешь сказать. — На душе стало спокойно, потому что в его голосе и взгляде не было и намека на зависть. Я сделала глоток молока. — После того как они взяли опеку надо мной, я находилась на домашнем обучении, — объяснила я. — А потом... решила, что хочу учиться в обычной школе.

На его лице отразилось удивление.

— С чего вдруг?

— Хочу поступить в колледж, — ответила я и устремила взгляд в безоблачное небо. Идея с колледжем звучала самонадеянно, учитывая мои навыки общения, но для меня это действительно много значило. По крайней мере, я надеялась, что колледж даст мне возможность получить работу и жить так, чтобы не беспокоиться о куске хлеба, и не перекладывать заботу о себе на плечи других. Для меня колледж означал свободу. — И Роза с

Карлом... Они тоже этого хотят. Конечно, я могла бы поступить в колледж и после домашнего обучения, но...

Райдер ждал.

— Но ты же знаешь, какая я... какой я была. — Мои щеки горели, когда я опустила глаза и уставилась на пакет молока. — Я не очень-то... общительна... и они подумали, что мне для начала стоит попробовать себя в средней школе.

Какое-то время он молчал, но я чувствовала на себе его взгляд.

— Что ж, я рад, что ты так решила. Если бы не...

Если бы не это, наши пути, наверное, никогда не пересеклись бы. От этой мысли становилось не по себе. Я покосилась на него, и у меня перехватило дыхание. Он смотрел на меня не совсем так, как я привыкла, но мне был знаком этот взгляд. Так смотрел на Эйнсли ее бойфренд. Я имею в виду, так же пристально, обжигающе.

Я заерзала, но не потому, что почувствовала неловкость, просто вдруг чего-то испугалась.

— А ты как?

Поставив локоть на стол, он подпер подбородок ладонью.

— Я больше не в приюте. — Увидев, что я повернулась к нему, он многозначительно посмотрел на мою пиццу. — Ты должна это доесть. Прямо сейчас.

Мои глаза сузились.

Он сверкнул усмешкой.

— Я живу в приемной семье. — Парень придвинулся ближе, когда я вгрызлась в свой кусок. — На самом деле это семья Гектора. Его бабушка много лет воспитывает приемных детей. Это помогает ей с оплатой счетов и все такое.

Я вспомнила истрепанную тетрадку и изрядно поношенные джинсы.

— Но она берет детей не только из-за денег. Она действительно классная. Замечательная женщина. Во всяком случае, так я познакомился с Гектором и Джейденом. Живу у них уже пару лет. — Протянув руку, он кончиком пальца коснулся моей щеки, отчего я еле сдержала вздох. — Куда подевались твои веснушки?

— Не знаю. — Мой голос прозвучал загадочным шепотом. — Сбежали, наверное.

Его глубокий смешок отозвался во мне дрожью.

— Здесь у тебя было три штуки. — Райдер легонько постучал кончиком пальца по скуле. — И две вот здесь. — Его палец потерся о мою переносицу, после чего он опустил руку. — Можно, я тебе кое-что скажу?

— Да. — Мне хотелось намекнуть ему, что можно трогать мое лицо, но, наверное, это прозвучало бы странно. У меня в голове все звучало странно. И казалось неуместным. Совершенно неуместным.

Его ресницы опустились, и губы тронула кривая усмешка.

— Я всегда знал, что ты вырастешь красивой.

Мое дыхание сбилось, и я села ровнее. От пиццы осталась только корка, и она была окончательно забыта. Мои уши, должно быть, накурились крэка или что-то в этом роде.

Румянец прокатился по его щекам, и уголок губ дернулся вверх.

— Просто никогда не думал, что увижу, какой красивой ты станешь.

Вау. Он действительно это сказал. Я красивая. Райдер сказал, что я красивая. Это признание ошарашило меня, и я уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова. Я знала, что не выгляжу дурнушкой. Эйнсли нравилось, как сочетается цвет моих волос и глаз, — все

угадывали в этом ирландское происхождение, — но я всегда считала себя посредственной. Обычное лицо. Обычное телосложение — не дылда, но и не малявка. Но чтобы красивая... такое мне и в голову не приходило.

— Ты тоже красивый. Я имею в виду, ты секси, — вырвалось у меня. — Но я всегда знала, что ты будешь таким. — Мои глаза расширились, когда я сама себя услышала, и его ухмылка переросла в улыбку. — О боже, я не могла такое сказать... да еще вслух.

— Ты это сделала.

— Да ну тебя!

Откинув голову назад, парень рассмеялся от души, как в тех редких случаях, когда его действительно что-то забавляло. Его смех был свободным и раскрепощенным, чему я всегда завидовала.

Я потянулась руками к пылающим щекам, но Райдер поймал мои запястья и задержал их в своих ладонях. В его посветлевших глазах плясали чертики.

— Я могу сделать вид, что ты ничего не говорила, если от этого тебе станет легче, — предложил он.

О да, было бы здорово. Я кивнула.

— Но я этого не забуду.

Смущение затопило меня, но Райдер, ухмыляясь, придвинулся и притянул меня к себе. Я не успела опомниться, как он зажал мои бедра ногами и, обняв, крепко прижал меня к груди.

Твердой, как скала.

Меня передернуло, как если бы я коснулась оголенного провода. Расслабиться удалось не сразу.

Он молчал, упираясь подбородком мне в макушку, и я притихла, закрыв глаза и пытаюсь справиться с нахлынувшей волной эмоций, рожденных осознанием того, что мы снова вместе, и ощущением близости его тела.

Его рука медленно поднялась по моей спине, скользнув под гриву моих волос. Я почувствовала прикосновение его пальцев на затылке. Он потерся подбородком о мой лоб, и почему-то именно сейчас этот жест, знакомый мне с детства, выглядел особенно интимным. Странное тепло разлилось в моем теле. Я словно вышла на солнце впервые после долгой зимы. На мгновение мне показалось, что он перестал дышать, потому что я не чувствовала, как вздымается его грудь под моими ладонями.

Где-то в подсознании билась мысль... насколько все это правильно. Мне не хотелось отстраняться и разрушать очарование момента, но я подумала, что, наверное, именно так и следует поступить. Да, наши объятия невинны. Должны быть невинными, но в них проступало и нечто другое.

— Тебе есть с кем пообедать? — спросил он, и его голос показался мне каким-то отрешенным. Словно доносился издалека.

Не открывая глаз, я думала, как ответить на его вопрос, и не спешила вырываться из объятий. Я не знала, что это говорит обо мне, да и говорит ли о чем-то.

— Мышь?

— Есть одна девушка из моего класса по английскому. Она... пригласила меня в свою компанию.

Рука на моей талии слегка напряглась.

— Кто?

— Кейра... я не помню фамилии.

Прошло мгновение.

— Я ее знаю. Она в нашем классе риторики. Классная девчонка. Ты собираешься принять ее предложение? Если нет, я могу ходить с тобой на обед.

Но ведь в это время у него уроки.

И тут до меня дошло. Райдер... Вау, он действительно не изменился. Даже спустя четыре года, даже притом что он должен находиться в классе, даже несмотря на то, что у него есть девушка, он готов прийти мне на помощь, если только я скажу, что нуждаюсь в нем. Глупые слезы защипали глаза.

— В этом нет никакой необходимости. Я пообедаю с Кейрой.

Его пальцы скользили по моей шее, очерчивая ее контуры.

— Ты уверена?

Мое сердце окончательно размякло.

— Да. Она пригласила меня... И еще она спрашивала, не хочу ли я стать чирлидером.

Его рука замерла.

— Мышь...

Я усмехнулась.

— Ты же не думаешь об этом всерьез, а? — через мгновение спросил он. А потом вдруг умолк и отстранился, убирая руки.

Лишившись его тепла и близости, я распахнула глаза. Я видела его профиль, напряженную линию челюсти и взгляд, устремленный в сторону парковки. В ряду припаркованных машин стоял какой-то «седан» с работающим на холостом ходу двигателем. Сквозь затемненные стекла невозможно было разглядеть того, кто сидел за рулем.

Хлопнула дверь, и я обернулась. Джейден выскочил на улицу и, на ходу подтягивая джинсы, поспешил к железным воротам.

— Черт, — пробормотал Райдер себе под нос.

Я застыла, чувствуя его тревогу.

— Все в порядке?

— Да. — Он следил за Джейденом, который выскользнул за ворота и направился к машине. Мальчишка нагнулся, когда стекло водительского окошка поползло вниз. Райдер похлопал меня по ноге, отвлекая мое внимание. — Скоро прозвенит звонок. Тебе, наверное, пора в класс?

Что-то холодное и жесткое проступило в его лице. Мне это совсем не понравилось.

— Райдер...

— Все в порядке. Я обещаю, — сказал он, снова коснувшись моей ноги, и встал, когда двойные двери снова распахнулись. На этот раз оттуда вышел Гектор, явно расстроенный. Райдер взял меня за руку, помогая подняться. — Увидимся в классе.

Кивнув, я собрала свои вещи и вышла из-за столика. Гектор даже не взглянул на меня, когда присоединился к Райдеру, и они, не сказав друг другу ни слова, тоже устремились к воротам. Я смотрела им вслед, в глубине души догадываясь, что дело нечисто.

На риторике Райдер так и не появился.

Его место пустовало, и я не могла избавиться от мысли, что это как-то связано с той машиной, что стояла на парковке. Хотя мы и успели немного пообщаться, я так и не узнала, чем занимался Райдер все эти четыре года, кроме того, что он жил у бабушки Гектора.

Кто-то, может, и не согласится с этим, но я не была совсем уж наивным или тепличным созданием. Я выросла в доме, где повидала всякого. Месяц, прожитый в приюте, тоже открыл глаза на многое. Я знала, что за забором слоняются взрослые парни, которые вербуют мальчишек в наркокурьеры. На моих глазах старшие дети вырубались прямо во время занятий. Некоторые попросту исчезали, пропадая на улицах. И я догадывалась, почему вчера глаза Джейдена были налиты кровью, да и машина с тонированными стеклами вряд ли развозила школьникам герлскаутское печенье.

Клубок беспокойства разрастался внутри меня, пока я размышляла над тем, во что мог быть втянут Райдер. К беспокойству примешивалось что-то еще, но мне не хотелось признаваться себе в этом чувстве. Пейдж тоже не пришла на урок, и мне хватило ума сложить два и два. Райдер прогуливал школу. И Пейдж заодно с ним. Что бы ни происходило, они, скорее всего, вместе. Жгучая боль пронзила грудь, и я отчаянно пыталась убедить себя в том, что это несварение, что это никак не связано с тем, что Райдер держал меня за руку, говорил мне, что я красивая, тем более что то же самое он наверняка говорит Пейдж, только вкладывает в это совсем другой смысл.

Потребовалось усилие, чтобы сосредоточиться на лекции мистера Сантоса о разных типах речи. Сантос расхаживал по классу, эмоционально жестикулируя в такт своим словам. Вдохновение расходилось вокруг него волнами. Я уставилась в тетрадь, но увидела лишь наполовину исписанную страницу. Это меня встревожило. Я сосредоточилась и принялась записывать все подряд.

Когда прозвенел звонок, я с удовлетворением отметила, что конспект получился вполне приличный. Я выбежала в коридор, спешно засовывая тетрадь в сумку, когда ко мне подскочила Кейра, которая, как выяснилось, караулила меня.

— Так ты подумала о чирлидинге? — спросила она.

Застегивая сумку, я поморщилась. Если честно, я уже и забыла об ее предложении. Я покачала головой.

Одноклассница вздохнула, наматывая на пальцы ремень своей сумки.

— Да, я так и поняла, что это дохлый номер, но, с другой стороны, попытка — не пытка.

Действительно, попытка — не пытка. Эта присказка вполне могла стать девизом моей нынешней жизни.

— В любом случае, — продолжала она, придерживая дверь на лестницу. — Я видела тебя сегодня в обед. — На лестничной клетке царил толчея, и мы с трудом пробились к ступенькам. — Ты была с Райдером Старком.

В голове прозвучал тревожный звоночек, когда я метнула на нее быстрый взгляд.

Кейра улыбалась, открыто и дружелюбно.

— Ты его знаешь?

Я кивнула. Мы поднялись на лестничную площадку второго этажа, и я догадалась, что она собирается сопровождать меня до самого шкафчика.

— Поскольку ты новенькая, — сказала девушка, пожимая плечом и поглядывая на меня, — интересно, откуда ты его знаешь?

Во мне боролись противоречивые чувства: с одной стороны, хотелось сказать, что это никого не касается, но в то же время я понимала, что ее распирает от любопытства, как было бы и со мной, окажись я на ее месте. Разговор с Кейрой заставлял меня нервничать, но я все-таки преодолела волнение и страх.

— Мы... мы знаем друг друга с детства.

— Серьезно? Круто. — Кейра прислонилась к соседнему шкафчику и, вытащив из кармана телефон, заглянула в экран. — Я так и подумала, что вы давно знакомы. Он так... хм, водил тебя за ручку, что странно.

Отложив учебник истории, я схватила учебник по английскому, чтобы сделать домашнее задание, и, закрывая дверцу, покосилась на Кейру.

— Почему странно?

— Мы учимся вместе с девятого класса, и я ни разу не видела, чтобы он держал какую-нибудь цыпочку за руку, в том числе и Пейдж, — усмехнулась она. — А они вместе.

И почему мне вдруг стало так тепло и уютно?

— Ну, или что-то в этом роде, — добавила Кейра.

А это что значит? И почему я сама за обедом не расспросила его о Пейдж? Мой интерес выглядел бы вполне естественным. Другое дело, что он заставил меня отвечать на его вопросы, и времени попросту не хватило.

Кейра рассмеялась — видимо, мои мысли отпечатались у меня на лице.

— Я имею в виду, что, на мой взгляд, у них с Пейдж ничего серьезного.

Ощущение тепла и уюта ширилось во мне, но я постаралась успокоить эмоции. Они казались неуместными в этом разговоре.

— Знаешь, в прошлом году мы сталкивались в одном из классов, и Райдер появлялся, когда хотел. Мы с Мэгги — ты ее не знаешь — обычно говорили в таких случаях, что он удостоил нас своей сексуальностью. Он не вел никаких конспектов, да и вообще сидел с отсутствующим видом. Иногда, клянусь, он просто спал, — продолжала девушка. — Но в любое время, когда бы его ни вызвали, он знал ответ. Для всех это оставалось загадкой, особенно для учительницы. Ее это вообще доводило до ручки, что ужасно нас забавляло. А еще один из моих друзей, Бенни, учился с ним в одном классе в прошлом году, и, когда мы сдавали итоговые экзамены, он подслушал, как учителя говорили между собой, что Райдер обскакал весь класс. У него был высший балл в старшей школе.

Это было так похоже на Райдера.

— Все это странно, учитывая, что он приемный ребенок и...

— Я тоже приемный ребенок. — Слова сами вырвались из меня.

Ее глаза расширились, и она вскинула руку.

— Послушай. Я не имела в виду ничего плохого. Я никого не осуждаю. Тьфу ты. Просто... — Кейра огляделась по сторонам, прежде чем продолжила. — Он тусуется с какими-то сомнительными парнями, а я знаю, что это за публика. Взять хоть моего брата, Тревора? Он сейчас в тюрьме, и все из-за дурной компании. А мой кузен? Мертв, потому что пугался с темными личностями. — Она помолчала, наморщив нос. — Ну, мой кузен тоже был тот еще раздолбай, так что...

Я подумала об автомобиле на стоянке и задалась вопросом, не попадают ли Гектор и Джейден под определение темных личностей.

— В любом случае, мне пора на тренировку. — Кейра помолчала, глядя на меня с надеждой. — Я не смогла убедить тебя заскочить к нам и посмотреть, что к чему? Может, надумаешь присоединиться?

Покачивая головой, я подавила усмешку, когда Кейра театрально вздохнула.

Она помахала мне и повернулась, чтобы идти, когда я заставила себя поработать языком и губами.

— Увидимся... завтра за обедом?

Ладно. Это прозвучало глупо, потому что до обеда нам предстояло встретиться на уроке английского, но Кейра кивнула.

— Да. Приводи с собой Райдера, если захочешь. Обед будет *погорячее*.

Я надеялась, что завтра во время обеда Райдер будет в классе, но после того, что сказала Кейра, уже начинала сомневаться в этом. Не сказать, чтобы я удивилась, узнав о том, что он поступает так, как ему хочется. Это было в его стиле. Но в то же время я знала, что такое своеволие всегда оборачивалось для него неприятностями.

Мы общались с Эйнсли онлайн, когда пришло время спускаться к ужину. Подумать только, четыре года назад я вообще не знала, что такое сидеть за обеденным столом. Меня даже близко к нему не подпускали. А этот стол, с его полированной деревянной поверхностью, стал для меня первым, за которым я могла поесть, если не считать школьной столовой.

Я уселась, поглаживая руками гладкую поверхность. Когда я появилась в доме Ривасов, то сначала чувствовала себя... зверенышем. Диким. Неловким. Неуверенным. Только что из клетки. Ривасы проявили терпение, приучая меня к порядку и режиму дня. Супруги не скупались на комплименты и похвалы — мне и друг другу. В доме мистера Генри все ели как придется, и для нас с Райдером уж тем более не накрывали стол. Мы питались обедками. А порой даже их не доставалось.

Садиться по вечерам за стол и слушать неспешные разговоры Карла и Розы вместо криков и брани — для меня это был новый опыт. Кухонный стол моего детства был усеян ожогами от сигаретных окурков и завален нечитанными газетами. Мистер Генри каждый вечер приносил с собой газету, которую покупал по дороге домой после смены на местном складе, но я никогда не видела его за чтением.

Но этот стол почти всегда сиял чистотой, а в центре располагалась декоративная композиция, которую меняли в зависимости от времени года. Сейчас это были искусственные сине-белые цветы и свеча в стеклянном стакане.

В течение недели Роза и Карл редко ужинали дома, и я знала, что в любой момент их могут вызвать в клинику. Если в выходные не планировалось срочных операций, они с удовольствием проводили время дома.

— Я подумал, мы могли бы съездить в Гавань в субботу. — Карл разделявал свиную отбивную так, словно препарировал ее. Он любил ездить в историческую Гавань, что находилась в самом центре Балтимора. — Кажется, в этот уик-энд там устраивают какую-то ярмарку.

Роза сделала глоток воды.

— Или можем махнуть в Катоктин. Там все-таки прохладнее. — Она улыбнулась мужу. — И денег меньше потратим — там не будут ничего продавать.

Она обожала активный отдых — пешие прогулки, горные велосипеды, пробежки на

свежем воздухе. Другими словами, испытывать различные формы мучений. Я же предпочитала читать, сидеть или гулять там, где не нужно обливаться потом. Карл покосился на меня и прижал палец ко рту, скрывая усмешку.

— Что скажешь, Мэллори? — спросила Роза.

Я пожала плечами, накалывая вилкой кусочек брокколи. Если бы мы отправились в заповедник Катоктин, не исключено, что оттуда я бы вернулась с болью даже в тех мышцах, о существовании которых не подозревала.

— Мы с Эйнсли хотели встретиться в эти выходные.

— Тогда остается Гавань. — Карл опустил руку, уже не пытаясь спрятать улыбку. — Наша недавняя поездка в парк, уверен, стала для нее первой и последней.

Мои губы дрогнули в усмешке, а Роза закатила глаза. Так мы договорились провести день в Гавани, что определенно обрадовало бы Эйнсли.

— Ты занималась резьбой? — спросила Роза, поигрывая бокалом. — Я что-то не помню, чтобы ты просила подобрать тебе мыло.

Мой взгляд метнулся к ней. Я не занималась резьбой с июля, когда начала мысленно готовиться — читать, паниковать — к школе.

Карл посмотрел на меня.

— Тебе обязательно нужно практиковаться. Нельзя терять такой талант.

Я чуть не рассмеялась. Резьба по мылу карандашами или палочками от леденцов вовсе не казалась мне талантом. Я просто занималась этим... ну, сколько себя помню, когда оставалась одна. Даже Райдер не знал о моем увлечении. Готовую поделку я сразу уничтожала.

Теперь Карл и Роза хранили большую часть моих творений — свыше трех десятков фигурок — в столовой, в застекленном шкафике, где пахло «Ирландской весной».

Самое смешное, что мое странное «мыльное» хобби в первую очередь привлекло внимание Карла, пока я находилась в клинике Джона Хопкинса. Он повидал немало жертв ожогов, и среди них еще больше детей, так что я зацепила его вовсе не своим обаянием. Даже с обожженными, воспаленными, забинтованными пальцами, я умудрилась украсть кусок мыла из ванной и с помощью шпателя, который стащила у одной из медсестер, за несколько дней изваяла спящего кота.

Не знаю, что такого особенного в этой резьбе, но для меня она всегда оставалась источником... покоя. Думаю, никаким талантом тут и не пахло, но Роза и Карл упорно, хотя и безуспешно, уговаривали меня двигаться дальше и переходить к резьбе по дереву.

— Если говорить о крупных достижениях, ты пережила первые два дня в школе, — сказал Карл, явно чувствуя, что на мыльном фронте им ничего не светит. — Хочешь рассказать нам, как все прошло?

Сердце тяжело перевернулось, и я в панике уставилась в свою тарелку. В голове тотчас возник Райдер. Пожалуй, самое время рассказать о нем. Тем более что мне этого хотелось. В любом случае, я не собиралась скрывать это от них, да и потом... мне доставляло удовольствие говорить о нем. Я хотела поделиться своим волнением и радостью встречи.

Хотя это могло обернуться огромной ошибкой. Но все равно я хотела, чтобы Карл и Роза знали. Лгать им после всего, что они для меня сделали, — это свинство. Я сложила руки на коленях.

— Ну... в школе я случайно встретила...

Мой голос дрогнул, потому что, когда я подняла взгляд, они оба таращились на меня.

Перестали жевать и замерли. Слишком много внимания. Мой язык перестал слушаться. Мозг кричал: *Отбой! Отбой!*

Карл заговорил первым.

— Кого же?

Наверное, следовало бы держать рот на замке.

Роза подалась вперед, поставив бокал с водой на стол.

— С кем ты встретила, дорогая?

Я не ответила, но они все ждали, и я знала, что они будут ждать вечно.

— Я случайно встретила с... Райдером.

Молчание.

Тишину нарушало лишь тиканье овальных часов на стене.

Карл положил вилку на стол.

— С Райдером? Мальчиком, который жил в том доме?

Я кивнула.

— Он учится в твоей школе? — Роза напряглась.

Все, что я могла, так только снова кивнуть.

— Это... неожиданно, — заявил Карл и взглянул на Розу, прежде чем продолжить. — Вы разговаривали?

Я не видела смысла в обмане. И опять кивнула.

— Он теперь в... другой приемной семье, лучшей.

На этот раз они обменялись долгими взглядами, и мне оставалось только гадать, о чем они думают.

— Я поражен, — сказал наконец Карл. — Мне никогда и в голову не приходило, что Райдер может учиться в Лэндс Хай.

Он произнес имя Райдера так, что у меня по телу пробежали мурашки. И не то чтобы в его голосе звучала неприязнь, просто в его словах сквозил подтекст.

Прошло мгновение, и Роза спросила:

— Как ты к этому отнеслась? Полагаю, с облегчением? — Она перевела взгляд на Карла. И, кажется, немного расслабилась. — Он так много значил для тебя.

Я пристально посмотрела на нее.

— Да. Я рада, что... он в порядке. Мы немного поболтали сегодня за обедом. — Я провела ладонями по ногам. — Было приятно... обменяться новостями.

Карл медленно кивнул и глотнул воды, и я по-прежнему не знала, что у него на уме.

— Это хорошо, что у него все в порядке.

Я выдавила из себя улыбку, и мой взгляд метнулся к Розе. Она внимательно наблюдала за мной. После короткой паузы Карл сменил тему, но у меня возникло странное ощущение, будто я в ловушке. Я знала, что они не рады моей новости, и меня это бесило. Меньше всего мне хотелось разочаровать их. Я попыталась придумать, чем бы сгладить неловкость, поэтому после ужина убрала со стола и вымыла посуду. Не бог весть какая любезность, но все-таки. Когда я уходила с кухни, они сидели в кабинете, за закрытой дверью, и неприятное предчувствие подсказало мне, о чем они беседуют.

Я поднялась к себе и открыла ноутбук. Мне не терпелось рассказать Эйнсли о том, как Роза и Карл отреагировали на Райдера, но в чате ее не оказалось. Наверное, встречалась с Тоддом. Я захлопнула ноутбук и полезла в сумку, когда в открытую дверь постучали. Подняв голову, я увидела Розу.

— Мы можем поболтать? — спросила она.

Мои плечи напряглись.

— Конечно.

Женщина вошла, а я уселась на кровати, поджав под себя ноги.

— Райдер.

Это все, что она сказала, и я кивнула.

Роза примостилась на краешке кровати, чуть повернувшись ко мне.

— Как ты на самом деле отнеслась к этому, Мэллори? Райдер очень много значил для тебя. В течение нескольких месяцев после твоего переезда к нам ты все время спрашивала об этом мальчике. Долгое время это было единственное, что ты произносила вслух. Поэтому я понимаю, насколько это важно для тебя.

Я закусила щеку, задаваясь вопросом, не лучше ли отмахнуться от этого разговора и спустить все на тормозах, но одного взгляда на Розу оказалось достаточно, чтобы убедиться в том, что моя уловка не сработает. Она слишком хорошо меня знала.

— Я... взволнована, — призналась я. — Даже счастлива. Ну, хотя бы потому, что теперь я знаю, что он жив и здоров, и я могу его видеть.

Она кивнула.

— Я понимаю. Это вполне объяснимое чувство.

Медленно выдохнув, я схватила с тумбочки толстую шпильку и заколола волосы. Я знала, что разговор не окончен. И оказалась права.

— Мы с Карлом слегка растерялись за ужином, — мягко продолжала она. — Почему ты вчера ни словом не обмолвилась о нем?

Ага, хороший вопрос.

— Я... сама не знаю. Я подумала, что вы оба... разволнуетесь.

Ее темные глаза вглядывались в мое лицо.

— Разволнуемся из-за чего?

Я пожала плечами.

Роза перевела взгляд на мои руки, зажатые между ног.

— Нам есть из-за чего волноваться?

Я чувствовала, что вопрос с подвохом.

Она протянула руку и погладила меня по ноге.

— Я буду честна с тобой, как это всегда было между нами, ладно?

Я наклонила голову. Вот, начинается, мелькнула отчаянная мысль.

— Мы волнуемся. Немного. О том, что ты окажешься в одной школе с Райдером — об этом мы и подумать не могли. Поступление в школу — уже достаточно серьезная перемена в твоей жизни, а если добавить и его в это уравнение? Мы не хотим для тебя таких потрясений.

— Со мной все в порядке, — ответила я, сцепив руки.

Она слегка улыбнулась.

— Тебе бы со школой разобраться. А тут еще Райдер. Возможно, сейчас ты не чувствуешь, какая это нагрузка, но, дорогая, он из того времени твоей жизни, к которому тебе лучше не возвращаться даже мысленно.

— Я... не возвращаюсь.

Роза промолчала.

Мой пульс забился сильнее.

— Да, Райдер из моего прошлого, но встреча с ним не заставляет меня... я не знаю. В общем, ничего плохого она мне не принесла.

— Я и не думала, что она может тебе навредить. — Роза сделала паузу, как будто тщательно подбирала следующие слова. — Мы просто беспокоимся о том, как это повлияет на все, чего ты добилась в последнее время. Никто не отрицает, что твое прошлое — это важная часть тебя. И я первая признаюсь в том, что благодарна Райдеру за все, что он сделал, чтобы защитить тебя тогда, тем более что он и сам был всего лишь ребенком. Но ты проделала такой долгий путь от перепуганной девочки, которую мы увидели. Ты так усердно трудилась, чтобы стать уверенной молодой женщиной, как сейчас. Мы не хотим, чтобы присутствие Райдера... мешало всему этому.

Я открыла было рот, но не нашла, что сказать.

— Возможно, никаких проблем и не возникнет, — добавила она. — Может быть, мы напрасно беспокоимся. — Возникла пауза, а потом женщина улыбнулась. — В любом случае, мы рады, что ты рассказала нам о нем.

А меня это совсем не радовало.

— И мы хотим, чтобы ты и впредь рассказывала нам о нем, — добавила она. Роза похлопала меня по ноге и поднялась, направляясь к двери. — Как насчет мороженого? Кажется, после Карла осталось немного карамельного. Звучит заманчиво?

Устоять против мороженого с карамельной глазурью я не могла, поэтому кивнула.

Когда Роза тихонько закрыла за собой дверь, я крепко зажмурилась и плюхнулась на спину. Уставившись в потолок, я думала о маленькой комнатенке, где ютились мы с Райдером. Здесь потолок был гладким, как снег. В том доме — осыпавшийся, в трещинах, — он напоминал мне паутину.

Я закусила губу.

Я правильно поступила, рассказав им о Райдере. Они могли бы гордиться мною. В то же время это решение не было самым мудрым, потому что даже если Роза отнеслась к возвращению Райдера в мою жизнь спокойно, Карла это точно напрягало.

Карл не испытывал никаких симпатий к Райдеру.

В четверг утром Пейдж не караулила меня у шкафчика в раздевалке. Зато когда я подошла поменять учебники, увидела там Джейдена. Его мешковатые джинсы держались на честном слове. Знакомый землистый запах, кажется, вьелся в его футболку с эмблемой *Ravens*.

Он привалился к соседнему шкафчику и уставился на меня сонным взглядом.

— Привет.

Удивленная его появлением, я улыбнулась в ответ.

— Я просто хотел сказать тебе... ты не думай, я знаю, что такое «Голодные игры», — объявил он, и улыбка промелькнула на его мальчишеском лице. — Я не *estúpido*,^[11] хотя Пейдж и нравится выставлять меня болваном. — Сунув руки в карманы джинсов, Джейден сморщил нос. — Я слышал, у вас с Райдером было... интересное прошлое.

Я подняла брови, взглянув на него, и захлопнула дверцу. Я не знала, как реагировать на слова Джейдена и стоит ли уточнить, что ему известно. Поскольку его бабушка взяла Райдера на воспитание, я полагала, что Джейден и Гектор много чего знают о его прошлом, но все ли он им рассказал?

— Здорово, что ты тоже выбралась из этого дерьма. И что тебя удочерили. Моя *abuelita* — бабушка — тоже хотела бы его усыновить, но ведь государство за это не платит, верно? — Он уставился в потолок, раскачиваясь взад-вперед на пятках. — Да, я слышал и видел всякие страшилки. Ума не приложу, как Райдеру удалось стать таким.

Я напряглась, не понаслышке зная про все эти страшилки и испытав многие из них на собственной шкуре.

— Я хочу сказать, Райдер... он классный. — Джейден пожал плечами, опуская глаза. — Намного лучше, чем те, кого моя *abuelita* приводила в дом раньше. Райдер сильный, но он никогда не давит и все такое. Он для меня вроде как еще один старший брат, о котором я никогда не просил. — Улыбка снова пробежала по его лицу.

— Он... — Тепло хлынуло к моим щекам. — Он умеет... защитить.

Глаза у Джейдена расширились, он даже приоткрыл рот. Румянец на моих щеках стал ярче, и я сжала губы.

— Надо же. Впервые слышу, как ты разговариваешь. — Парень оттолкнулся от шкафчика и последовал за мной, стараясь идти в ногу. Не такой рослый, как его брат и Райдер, Джейден все равно был чуточку выше меня, но мне не приходилось задирать голову, чтобы видеть его лицо. — Круто. Я тоже тихоня.

Я выгнула бровь.

Он рассмеялся.

— Хорошо. Я не тихоня. Уверен, если ты поищешь меня в Википедии, то узнаешь, насколько я не тихоня. Но это нормально. Мы с тобой будем как лайм и текила. Ты компенсируешь мою безостановочную болтовню, а я — твою неразговорчивость. — Он подтолкнул меня локтем. — Мы с тобой — отличная команда!

Улыбка вернулась на мое лицо. Я его совсем не знала, но Джейден мне понравился. Он был милым, обаятельным парнишкой, а его любезность добавляла ему еще тысячу бонусных баллов. Он захлеб рассказывал про какой-то футбольный матч в эти выходные, но на лестнице мы расстались, и в то утро я его больше не увидела. Только в обеденный перерыв

Джейден попался мне на глаза, но не он занимал мои мысли, когда я вошла в открытую дверь столовой.

Кейра сидела за своим любимым столиком, и место рядом с ней пустовало, как и вчера. Она опоздала на урок английского и плюхнулась за парту уже со звонком для опоздавших, а после занятий сразу умчалась из класса, так что нам так и не удалось поболтать. Райдера я не видела и ничего о нем не слышала, поэтому не ожидала, что он опять материализуется из воздуха и утащит меня куда-нибудь.

Но что, если Кейра передумала?

Что, если я подойду к ее столику, а она посмеется надо мной?

Звучало бредово, но я не исключала такую возможность, полагая, что нет ничего невозможного.

Когда я направилась в хвост очереди, чтобы посмотреть меню — то, что нес на тарелке какой-то парень, *не* выглядело, как жареный цыпленок, — Кейра подняла голову и помахала мне рукой.

От облегчения мои ноги стали ватными. Если Кейра машет рукой, вряд ли она станет смеяться надо мной, когда я подойду к их столику, рассудила я. Моя улыбка, наверное, смотрелась жутковато, поэтому я поспешила встать в очередь, больше не думая о том, что выбранное мною блюдо на самом деле пахнет рыбой, а не курицей. И все же руки дрожали, когда я вцепилась в поднос.

Повернувшись лицом к залу, я втайне желала, чтобы появился Райдер и увел меня отсюда.

Надежда вспыхнула в груди, стоило мне подумать об этом. Я затаила дыхание. Все казалось неправильным — надежда, растерянность, беспомощность. Рассчитывая на него, вместо того чтобы действовать самостоятельно, я перечеркивала все, чего добилась и к чему стремилась. Руки крепче сжали поднос, когда я расправила плечи. Живот свело так, что пропал весь аппетит.

Я смогу.

Глубоко вдохнув, я заставила ноги нести меня к столу, и они сделали пару шагов. Мне предстояло пройти через весь зал, чтобы подойти к столику Кейры, и это оказалось одним из самых трудных испытаний в моей жизни. Глаза отрывались от экранов мобильных и впивались в меня. Любопытные и недоуменные взгляды тяжелыми гирями висли на моих ногах. Меня захлестнула паника, когда я услышала девичий шепот за столом, и Кейра подняла голову.

Время как будто остановилось.

И тут широкая улыбка вспыхнула на лице Кейры.

— Эй, девушка, я заняла тебе место. — Она похлопала по соседнему стулу.

В голове гудело, словно внутрь меня из улья ворвалась армия пчел. Напрягаясь каждой клеточкой, предельно сосредоточившись, я сумела поставить поднос на стол, ничего не пролив и не опрокинув, и сесть на стул, не промахнувшись мимо сиденья. Как только моя пятая точка нащупала под собой жесткий пластик, у меня возникло такое чувство, будто я только что залезла на каменную стену.

— Знакомьтесь, это Мэллори Додж^[12] — так звучит твоя фамилия, верно? — спросила Кейра, и ее темные глаза блеснули в ярком свете ламп.

Я кивнула, стараясь изобразить улыбку, которая не заставила бы людей бежать без оглядки и прятать своих детей.

— Мы с Мэллори в одном классе по английскому и риторике. Это ее первый год в нашей школе, — продолжала Кейра, откинувшись на спинку стула. Она жестом указала на зеленоглазую девушку рядом с ней. — Это Рэйчел.

Красивая блондинка пошевелила пальцами в знак приветствия.

— А это Джо. — Кейра кивнула через стол на темнокожую девушку с такими же кудряшками, как у нее. — И Анна. Это она сломала запястье. Обычно она стоит в базе, но тут решила покрасоваться. И вот чем все закончилось.

Брюнетка, сидевшая рядом с Джо, подняла левую руку, демонстрируя ярко-розовую гипсовую повязку, поддерживающую предплечье и кисть.

— Лучше бы я падала лицом вниз.

Ой.

— Да уж, с разбитым носом хотя бы могла зажигать, — усмехнулась Джо.

Анна замахнулась на нее здоровой рукой.

Кейра рассмеялась.

Я обтерла влажные ладони о джинсы. Хорошо, что никто не кинулся пожимать мне руку. А, кстати, люди еще обмениваются рукопожатиями? Пожалуй, нет. По крайней мере, не в школе, потому что это выглядело бы странно.

— Ты так думаешь? — сухо ответила Анна, поднимая темные брови.

— Да ладно вам, — протянула Кейра и продолжила знакомить меня с другими девушками.

Все улыбались или махали мне, и я очень надеялась, что гримаса на моем лице больше походит на улыбку. Я так крепко сцепила руки на коленях, что пальцы побелели. Пока мы знакомились, к нам за столик подсели двое парней. В одном из них я узнала своего одноклассника — кажется, его звали Питер. Он обнял Анну за плечи. Его приятель подсел к Джо.

— Ты в моем классе по истории, верно? — спросил предполагаемый Питер, с прищуром разглядывая меня.

Мой язык налился свинцом, поэтому я смогла только кивнуть.

— Круто, — ответил он и стащил виноградинку с тарелки Анны. Наклонившись, парень достал свой телефон. — Кажется, я видел тебя, прежде чем заснул.

Его приятель фыркнул.

— Не знаю, как тебе удастся сдать экзамены, — хихикнула Анна. — Серьезно.

Он подмигнул ей.

— Личное обаяние.

— Сомнительно, — криво усмехнулась Кейра, поглядывая на Питера. — Сегодня утром видела твою фотку в *Instagram*. Рубашка с тебя сползла случайно?

Питер оторвался от своего телефона.

— Ты про это тело? — Свободной рукой он провел по своей груди. — Таким богатством нужно делиться с миром. Смотри. Уже двести «лайков».

Джо закатила глаза.

— Двести «лайков» — не повод для хвастовства.

У меня не было аккаунта в *Instagram*. Может, потому что я не представляла себе, какие фотки туда выкладывать. Фигурки из мыла? Полная лажа. Но теперь я чувствовала, что пора обзавестись собственной страничкой.

Завязался непринужденный разговор, и я поймала себя на мысли, что завидую этим

ребятам. Дружеские шутки, привязанность друг к другу — это то, чего никогда не было в моей жизни. Я наблюдала за ними, как ученый, изучающий особей неизвестного вида. Да, конечно, я дружила с Эйнсли, но мы не ходили вместе в школу.

Обед проходил, как в тумане. Я тыкала вилкой в свою так называемую курицу и в то, что выглядело как запеченный картофель. Вокруг меня не смолкал треп. То и дело кто-нибудь задавал вопрос или вставлял реплику, и я в ответ кивала или мотала головой. Если кто-то и находил это странным, то виду не подавал, но наверняка все заметили, что я не проронила ни слова.

Разочарование затопило меня, потому что я умела говорить, но всякий раз, когда наступал подходящий момент, чтобы вставить слово, слишком долго размышляла над тем, что сказать. Я молчала, как если бы мне заткнули горло, оставив лишь маленькое отверстие для доступа воздуха.

Слова не были моими врагами или монстрами под кроватью, просто они имели какую-то необъяснимую власть надо мной. Они, словно призрак любимого, вечно преследовали меня и не давали жить спокойно.

Обед закончился, а я так и не разговорилась, но, кажется, никого это не смутило, так что душа моя пела и мне хотелось выбежать из столовой, широко раскинув руки словно героиня фильма «Звуки музыки». Понимаю, я вела себя как полная дурочка, но, когда мы с Кейрой разошлись по классам, в моих жилах радостно бурлила кровь.

Потому что в моей жизни произошло еще одно знаковое событие.

Пусть я молчала, как рыба, но никогда еще мне не доводилось сидеть за обеденным столом с девочками. Много лет назад, когда мы с Райдером ходили в школу, я обедала с ним, иногда и с другими детьми, которые подсаживались к нам за стол, но чтобы в компании — никогда. И впервые я была сама по себе.

Без старшего, кто мог бы говорить за меня.

Вот это успех. Подпрыгивающей походкой я устремилась в класс, и почти торжествующая улыбка расплывалась на моем лице. Сегодня я это сделала! Смотрите на меня! В классе риторики я увидела Пейдж, и мой восторг несколько поутих. Когда я уселась на свое место, девушка ничего не сказала, но я чувствовала на себе ее пристальный взгляд, пока копалась в сумке, доставая учебник. Выложив его на парту, я сделала глубокий вдох и подняла голову.

— Он не придет. И Гектор тоже.

Услышав голос Пейдж, я вздрогнула и посмотрела на нее.

Она сидела, откинувшись на спинку стула, вытянув вперед длинные ноги, скрещенные в лодыжках. Ее темные глаза впились в меня.

— Так что можешь не пялиться на дверь.

Я судорожно вздохнула и приготовилась сказать, что вовсе не высматриваю Райдера, но это... была бы ложь. Щекам стало жарко.

Уголок ее губ дернулся вверх, и, подобрав ноги, она наклонилась ко мне, опираясь рукой на пустующее место Райдера.

— Я не уверена, понимаешь ты это или нет, но Райдер занят, — низким голосом проговорила она.

Я оцепенела, и к горлу подкатил ком.

— И я уже сказала тебе, что я — его девушка, — продолжила Пейдж. — И должна заметить, что мне не доставляет никакого удовольствия сидеть здесь и наблюдать, как ты его

караулишь.

Она права.

Ничего хорошего в этом нет.

— И зрелище вашего воссоединения века в первый день занятий тоже не входит в топ-100 вещей, которые я хочу повторить в своей жизни, — добавила Пейдж, и это я тоже могла понять. Такой разговор не входил и в мой список приоритетов. — Поэтому я повторю еще раз, просто чтобы убедиться, что между нами все предельно ясно. Он — мой парень. И прекрати вести себя так, будто он твой.

Прозвенел последний звонок.

Пейдж выпрямилась и, когда мистер Сантос начал урок, раскрыла тетрадку. Мой взгляд скользнул по рядам. Кажется, никто из сидящих впереди не слышал ее слов, зато я их расслышала вполне отчетливо.

И приняла к сведению.

В тот вечер я ужинала в одиночестве, потому что по вторникам и четвергам Роза и Карл возвращались домой не раньше девяти, а то и позже, в зависимости от того, как складывалось дежурство в больнице. Впрочем, сегодня у меня и аппетита не было.

За завтраком ни Роза, ни Карл не поднимали вопрос о Райдере, но это не значит, что я о нем не думала. В голове вертелись слова, брошенные Пейдж, но беспокойство за Райдера не отпускало. Куда он исчез? Не попал ли в беду, и что с ним? Разумеется, воображение рисовало худшие из возможных сценариев, пусть даже здравый смысл подсказывал, что Пейдж наверняка знала бы, случись что плохое, и не тратила бы время на то, чтобы устроить мне выволочку.

Я едва притронулась к разогретому в микроволновке рису, хотя и сдобрила его таким количеством соевого соуса, что Роза ужаснулась бы, увидев это безобразие.

Раздумав ужинать, я убрала рис в холодильник и поднялась к себе. Достала из сумки телефон и коснулась экрана. Никаких эсэмэсок. Я открыла последнее и единственное сообщение от Райдера. Стоит ли написать ему? Не покажется ли это странным?

О боже.

Я швырнула телефон на кровать и собрала волосы в небрежный пучок. Слишком взволнованная, чтобы садиться за домашнее задание, я подошла к бельевому шкафу в коридоре, схватила кусок мыла, мешочек со шпателями, которые Роза принесла с работы, и отнесла к себе в спальню.

Теперь мне предстояло смягчить мыло теплой водой и раздобыть полиэтиленовый пакет для мыльной стружки, чтобы в комнате не остался мусор.

Уставившись на брусок мыла, я пыталась придумать, что бы такое сотворить. Я уже вырезала деревья, звезды, футбольные мячи, уточек, лодки и бог знает что еще. На некоторые поделки, довольно простые, уходило не больше часа. Более замысловатые требовали нескольких дней работы.

Я начала снимать обертку, но что-то меня остановило. Пожалуй, надо бы переодеться, чтобы не испачкать стружкой школьную одежду. Я отложила мыло и шпатель, надела пижамные шорты и майку, а сверху — старую рубашку. Слишком большого размера, она так и норовила сползти с плеча.

Возвращаясь к столу, я уловила свое отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы шкафа. Видок у меня был тот еще. Подойдя ближе к зеркалу, я повернулась боком и, когда

прижала руку к животу, нахмурилась. Живот показался мне слишком мягким. Мой взгляд спустился ниже, и я поморщилась.

Пожалуй, с шортами я погорячилась. Хотя они и были просторными, ноги в них определенно выглядели... *массивными*, а ляжки отвратительно толстыми. Я задрала подол рубашки. Майка-бюстгальтер из тонкой ткани подчеркивала все ненужные выпуклости. Да, миниатюрной я бы себя не назвала. Скорее, *крепко сбитой*.

Кусок мыла так и остался нетронутым.

Сколько девчонок моего возраста вырезают фигурки из мыла? Вот Кейра, наверное, только что вернулась домой с тренировки по чирлидингу, а Эйнсли, если не встречалась с Тоддом, наверняка сочиняла — она все время строчила короткие рассказы. Или прогуливалась по магазинам. Слишком разорительное увлечение для неработающей девушки, но она могла себе это позволить благодаря щедрости родителей. Если она все-таки с Тоддом, то они, наверное, целовались. Еще одно любимое занятие Эйнсли.

Этому я тоже немного завидовала.

Что меня смущало и о чем не хотелось думать, так это о том, что я ни разу в жизни не целовалась. Черт возьми, я даже не разговаривала с парнем по телефону и, что уж говорить, никогда не была на свидании. Эйнсли пыталась познакомить меня с приятелем Тодда, но я так и не решилась. От одной мысли о встрече с ним меня чуть не вырвало.

В свои без малого восемнадцать я не знала, какие чувства пробуждает поцелуй и каково это... быть желанной или любимой.

Может, во мне чего-то не хватало?

Я придиричиво оглядела себя и пошевелила пальцами ног. Коренастая. Да, фигура та еще, но ведь Райдер сказал, что я красивая. Без всякого предупреждения, перед глазами возник его образ. Карие глаза с золотистыми крапинками, широкие скулы и невероятные губы — уж они-то, я не сомневалась, знали толк в поцелуях.

О боже.

Я не могу, не *должна* думать об этом.

Выбросив вредные мысли из головы, я открыла глаза. Проблема заключалась вовсе не в отсутствии тонких ляжек и плоского живота. Мне не хватало смелости. Положа руку на сердце, я до сих пор оставалась пугливой кошкой. Как я могла мечтать о губах парня, когда даже свои губы не могла заставить работать, складывая слова?

Мой взгляд вернулся к куску мыла. Резьба по мылу была моим хобби, но тихим, не требующим ни слов, ни мыслей. Как удобно. Мне не приходилось выкладываться на всю катушку. Как той же Кейре в чирлидинге. Шопинг я бы не назвала хобби, да и писательство требовало уединения, но это не мешало Эйнсли быть открытой, дружелюбной и разговорчивой. Она не казалась изгоем, она чувствовала себя в этом мире, как рыба в воде. А я? Я вырезала фигурки из мыла. Может, надо было...

На кровати ожил мой мобильник. Решив, что это Эйнсли, не заставшая меня онлайн, я потянулась к трубке.

Оказалось, что это не Эйнсли.

Ты дома?

Райдер.

У меня перехватило дыхание.

Прежде чем я успела собраться с мыслями, пришла другая эсэмэска.

Одна?

Мои глаза стали двумя планетами, пока я смотрела на экран. На этот раз я не собиралась упускать свой шанс. И отправила быстрое

да.

Прошла пара секунд. Минута, потом еще пять, и я уже начала подумывать, не мерещится ли мне все это, но вдруг на экране высветилось новое сообщение, и мое сердце остановилось.

Всего два слова.

Я здесь.

Вот это да.

На мгновение я оцепенела, уставившись на текст. Он здесь? Нет, он не это имел в виду, не может быть, чтобы он...

Звонок в дверь эхом разнесся по дому, и я как ужаленная завертелась на месте, беспомощно глотая ртом воздух.

Мамочки!

Мой мозг отключился, когда я пулей вылетела из комнаты и побежала вниз, шлепая босыми ногами по ступенькам. Я стремглав пронеслась через прихожую и остановилась перед самой дверью, тяжело переводя дух.

Я не настолько глупа.

Привстав на цыпочки, закусив губу, я выглянула в глазок. Все, что я смогла разглядеть, это его затылок и широкие плечи.

За дверью стоял Райдер. И мне это не снилось.

Сжимая в руке телефон, совершенно не понимая, что вообще происходит, я с трудом сглотнула, щелкнула замком и распахнула дверь.

Райдер развернулся, и мои глаза оказались на уровне его груди.

— Я уже подумал, что ты не откроешь.

Мой взгляд скользнул выше, и у меня вырвался сдавленный стон. Я протянула руку, схватила его за предплечье и чуть ли не силой затащила в дом. Он поймал дверь свободной рукой, закрывая ее за нами.

— Твое лицо. — Я крепче сжала его плечо. — Что случилось?

Парень нахмурился и, подняв руку, ощупал кожу вокруг длинного пореза над левой бровью. Кровь уже запеклась, и вокруг раны растекался лиловый синяк.

— Это? А, пустяки.

Я уставилась на него.

— Не похоже... на пустяк.

— Фигня. Не бери в голову. — Оглядевшись по сторонам, он отцепил мои побелевшие пальцы и высвободился из мертвой хватки. Но, вместо того чтобы отпустить мою руку, переплел наши пальцы. — Я думал, ты спросишь, как мне удалось отыскать твой дом. Я очень впечатлен своей находчивостью.

Да, любопытно, но меня все-таки больше беспокоило появление еще одного шрама, теперь уже над левой бровью.

— Райдер, твой лоб...

Он посмотрел на меня сверху вниз, сжимая мою руку и улыбаясь.

— Ты говорила мне, что живешь в Пуант, поэтому я доехал на метро до Центра, а остаток пути прошел пешком. Найти оказалось не так уж трудно. — Кончиками пальцев свободной руки он пробежался по букету искусственных ромашек в вазе на столике при входе. — Я просто искал твой автомобиль. Мне повезло, он стоял во дворе. Так что, возможно, не такой уж я хитрый.

Хитрый или нет, но он был ранен, и от этого мне стало не по себе. Я потянула его в сторону гостиной.

— Что это на тебе? — спросил он, послушно следуя за мной.

Мои глаза расширились. Я совсем забыла, что была одета в пижаму, и она демонстрирует мое *сбитое* тело.

— Я уже собиралась... спать.

Он выгнул брови, а потом поморщился.

— Который час? Семь?

— Половина восьмого, — пробормотала я, увлекая его из холла в гостиную.

Оглядывая просторную комнату, парень задержал взгляд на горшечных растениях перед эркерным окном, большом телевизоре и встроенных книжных полках. Потом повернулся ко мне, скользнул глазами по моей фигуре, и я почувствовала, как вжимаются в деревянный пол пальцы ног. Шлейф пьянящего тепла тянулся за его взглядом, вызывая ответную дрожь, а некоторые части тела и вовсе вели себя странно.

Наши глаза встретились.

Его взгляд снова гипнотизировал меня. Мне показалось, что воздух в комнате раскалился, и мне стало нечем дышать. Райдер придвинулся ближе. Не отпуская моей руки.

— Наверное, мне не следовало приходить.

— Не следовало?

Он склонил голову набок, и я увидела, что воротник его рубашки порван. У меня сжалось сердце. Парень покачал головой и отпустил мою руку. Я подумала, что он сейчас уйдет, поэтому шагнула вперед, оказавшись так близко к нему.

— Сядь.

Райдер посмотрел на меня с высоты своего роста, и на его лице промелькнула нерешительность.

— Сядь, — повторила я. — Пожалуйста.

Он посмотрел поверх меня, чуть заметно вздрогнул, а потом сдвинул в сторону диванную подушку и сел.

— И что теперь? — спросил он, глядя на меня такими родными, но в то же время незнакомыми глазами.

— Сиди здесь. — Когда он откинулся на спинку дивана, возвращаясь взглядом к книжным полкам, я выбежала из гостиной.

В ванной на первом этаже я схватила перекись водорода и несколько ватных шариков, не позволяя себе задумываться о происходящем или паниковать из-за Карла и Розы. Я знала, что если они придут домой пораньше, мне нагорит так, что мало не покажется, особенно после вчерашнего разговора. И, хотя присутствие Райдера могло подлить масла в огонь, я, честно говоря, даже не представляла себе, как бы они отреагировали, застукав меня дома с любым другим парнем. Уверена, им и в голову не приходило, что я способна на такое.

Так же, как и мне.

Райдер сидел на том же месте, и я неслышно выдохнула, приближаясь к нему. Он увидел, что у меня в руках, и слегка улыбнулся.

— Я в порядке, Мышь. Seriously.

Я пожалала плечами и подошла к нему, протискиваясь между его коленями и журнальным столиком.

— Что произошло?

— Да так... кое-какие проблемы, — сказал он, потирая ладонью скулу. — Не хочу тебя грузить.

Отвинтив колпачок пузырька с перекисью, я намочила ватный тампон. Резкий запах

ударил в нос.

— Ты... ты всегда делал вид, будто ничего страшного не происходит. Вот и сейчас пытаешься пудрить мне мозги.

Его губы скривились в усмешке, и на щеке появилась ямочка. Он вздохнул и подался вперед, раздвигая ноги. Его руки внезапно приземлились на мои бедра, и я чуть не выронила ватный шарик от неожиданности прикосновения. У меня перехватило дыхание, когда он усадил меня на край журнального столика, а сам придвинулся ближе. Грубая ткань его джинсов терлась о голую кожу моих ног, посылая волну острых ощущений по всему телу.

— Так лучше? — спросил он, глядя на меня сквозь опущенные ресницы.

Я недоуменно уставилась на него, и до меня не сразу дошло, что он всего лишь имел в виду, что из такого положения легче подобраться к ране. Парень отпустил мои бедра и положил руки себе на колени, оказавшиеся в опасной близости от моих.

Потянувшись к нему, я осторожно протерла рану, и, когда Райдер судорожно вздохнул, отдернула руку.

— Все нормально, — сказал он.

Я предприняла новую попытку, и на этот раз он не шелохнулся и не издал ни звука.

— Может, все-таки расскажешь... что случилось?

— Это напоминает мне прежние времена, — помолчав, проговорил Райдер, поднимая ресницы. Он медленно скользнул по мне взглядом и отвел глаза, а на скуле задергалась мышца. — Что-то вроде того.

Кровь прилила к моим щекам, и я потянулась за новым ватным шариком. Это действительно напоминало дни нашего детства, когда я приводила его в порядок после драк. Еще совсем маленькой, я делала это, не понимая толком как, и неумело, но, когда мы стали старше и он ввязывался в драки, чтобы защитить меня или по какой-то другой причине, этот ритуал вошел в привычку.

Разве что сейчас, и я могла сказать это со всей уверенностью, его взгляд задержался на моих грудях, а прежде он, скорее всего, и не догадывался о том, что они у меня имеются.

Наверное, потому, что они появились всего пару лет назад.

Пока я промывала рану, мои мысли вернулись к машине на парковке и к тому, о чем вчера говорила Кейра. Не связался ли он с темными личностями? И что же, теперь у него будут два одинаковых шрама над бровями? Мне это совсем не нравилось.

— Почему тебя не было в школе?

— У меня были кое-какие дела.

— Это не ответ. — Когда он промолчал, я попыталась зайти с другой стороны. — Ты... тебе ничего не угрожает, Райдер?

Он повернулся ко мне, и я чуть не попала ему ваткой в глаз.

— Это было бы больно, — пробормотал Райдер, хватая меня за запястье. Он отобрал у меня ватный тампон и бросил его на журнальный столик. — Мне ничего не угрожает. Я в полной безопасности.

Я покачала головой.

— Раньше, когда ты подвергал себя...

— Мышь...

— Ты рисковал из-за меня. Ты делал это снова и снова. — Злость наступала на пятки тревоге, разливающейся в груди. — Ты никогда не задумывался о том... что может случиться с тобой.

Парень чуть запрокинул голову, встречаясь с моим взглядом.

— Я всегда знал, что делаю.

— Ты... — К горлу подступил горький ком воспоминаний. — Ты терпел *побои* из-за меня. Ты...

— Мышь, — нежно произнес он. — Я знал, что делаю, тогда, и я знаю, что делаю, сейчас.

Неужели он хотел сказать, что теперь бьется за кого-то еще? Впрочем, я уже догадывалась, что так оно и есть. Я знала, что кровавая рана на лбу появилась не из-за того, что сделал он, но из-за того, что сделал тот, кто младше и слабее.

— Ты мазохист?

Райдер пристально посмотрел на меня, а потом рассмеялся — глубоким смехом, который повергал меня в дрожь.

— Хороший вопрос.

— Это не смешно. — Я попыталась отдернуть руку, парень крепко держал меня за запястье. Наши взгляды снова столкнулись, и слова пузырьками шампанского поднялись на поверхность. — Сейчас мне ничуть не легче, чем раньше, когда я снова вижу, что тебе больно.

— Но мне не больно. — Его голос звучал приглушенно. — Видишь? Ты заботишься обо мне.

Я снова ощутила теснение в груди, но совсем другого рода. Мне казалось, будто внутри надувается воздушный шар.

— Так вот почему ты пришел сюда?

Парень ответил не сразу.

— Не знаю. Думаю, я просто соскучился. Не видеть тебя столько времени после... после того, как привык проводить с тобой каждый день на протяжении, черт возьми, целых *десяти лет*, а потом... потерять тебя. Но теперь ты вернулась. — Райдер накрыл мою руку свободной рукой. — Это как сон. Все было против того, чтобы наши пути пересеклись, но мы снова вместе.

Снова вместе.

— Сколько у меня времени, прежде чем они... как их зовут? Карл и Роза? Да, точно. Сколько у меня есть времени, прежде чем они вернутся?

— Не знаю. Может быть... час или около того? — Мои руки казались совсем крошечными в его руках.

Кривая усмешка вернулась.

— Сомневаюсь, что они будут рады застать меня здесь.

— Почему?

Райдер вскинул брови.

— Возможно, я ошибаюсь. Или они привыкли приходить домой и видеть каких-то странных парней на диване в гостиной?

Я закатила глаза.

— Я угадал? — Райдер потянул меня за руки, и я привстала, позволяя усадить себя на диван. Он откинулся назад, одной рукой обнимая меня за плечи и прижимая к себе. — Это в порядке вещей, да?

Я не знала, что делать со своими руками, поэтому сложила их на коленях.

— У меня никогда не было... парня.

Райдер напрягся и, повернув голову, посмотрел на меня.

Я что, призналась в этом вслух? Зажмурившись, я вздохнула.

— Все... мне лучше заткнуться.

Он хмыкнул.

— Не делай этого. Мне нравится, когда ты говоришь.

Прижавшись к нему, чувствуя его руку на своем плече, я думала о том, что мы как будто одной ногой в прошлом, а другой — в настоящем. Сейчас эта близость ощущалась совершенно иначе, не так, как раньше. Если бы работал телевизор, мы походили бы на влюбленные парочки всего мира, уютно устроившись на диване.

Только вот мы не парочка.

Я чувствовала, что пора выбросить эти мысли из головы.

— Ты не... мм... немного потерял, пропустив урок. Мы изучали примеры... информационной речи.

— Весело.

Наши взгляды на мгновение встретились, и я отвернулась.

— Где ты был, Райдер?

Райдер молчал, поглаживая мою руку. Его пальцы скользнули по моему оголенному плечу. Движение казалось неосознанным, но у меня по коже побежали мурашки в погоне за нежным прикосновением.

— Нам с Гектором нужно было кое с кем поговорить.

Я снова подняла на него взгляд.

— Разговор непременно с кулаками?

Кривая ухмылка появилась на его губах.

— Бывает. — Он протянул руку, играя с кончиками моих волос, выбившихся из пучка на макушке. — Брат Гектора... он — совсем пацан. Джейдену всего пятнадцать, но иногда он кажется еще моложе. Я имею в виду, по умственному развитию, из-за чего попадает в разные неприятности.

Глядя на него, я снова поразилась тому, что некоторые вещи не меняются. Или черты характера.

— Так ты помогаешь ему выбраться из беды?

— Пытаюсь, — пробормотал Райдер, откинувшись головой на спинку дивана. Он продолжал перебирать пряди моих волос, и в его глазах появилась поволока, взгляд стал ленивым. Я понятия не имела, о чем он сейчас думает. — Во всяком случае, после нашего вчерашнего разговора Джейден притащился в школу. Сегодня разговор пошел не так гладко.

Боже, мне одинаково хотелось обнять его и врезать как следует.

— Райдер...

— Ты когда-нибудь думала, что мы будем сидеть вот так? — вдруг спросил он.

— Ты меняешь тему, — заметила я.

— Да, меняю, — лукаво улыбнулся он. — Но ты все-таки ответь на мой вопрос.

— Нет, — призналась я, слглатывая внезапно подступивший к горлу ком. — Я никогда не думала... что снова увижу тебя. Только надеялась.

— Надежда не очень-то нам помогала, не так ли?

Я покачала головой. Условия, в которых мы росли, очень быстро приучали к реальности. А надежды и чаяния казались не чем иным, как мечтами и фантазиями. Райдер все теребил пальцами мой пучок, и прежде чем я успела опомниться, расплел его окончательно. Волосы

рассыпались по моим плечам беспорядочными волнами.

— Мне так больше нравится, — признался он, и когда опустил руку, его щеки порозовели, а пальцы потерлись о мое плечо. — Хотя я немного скучаю по рыжику. Так было легче различить тебя в толпе.

— Спасибо.

Парень рассмеялся.

— Вру. Я все равно узнаю тебя в толпе. Даже за тысячи метров, — добавил он.

— Потому что... ниже всех ростом, — сухо сказала я.

Его взгляд странно вспыхнул и задержался на моем лице.

— Нет, вовсе не поэтому. — Райдер опустил глаза и, насупив брови, уставился на мои руки. — И как прошли твои первые три дня в школе?

Всего три дня? Надо же, а мне казалось, что больше. Я пожала плечом.

— Нормально.

— Звучит не очень убедительно.

Я подняла на него взгляд и вдруг подумала о Пейдж. Меня будто что-то толкнуло, заставляя отстраниться от него. Как это я забыла про нее? Райдер, конечно, выбил меня из колеи своим внезапным появлением, да еще в таком виде, но вряд ли это могло служить оправданием.

Я смотрела на него, и сотни вопросов так и рвались наружу. Прежде всего, почему он пришел ко мне, а не к Пейдж.

Сердце забило сильнее. С одной стороны, мне не хотелось заводить разговор о ней — если он сам молчит, значит, я могу... Что? Что я могу? Даже если мы никогда не говорили о Пейдж, это ничего не меняло. А то, что у него есть девушка, не могло изменить отношений между нами. Мы — друзья и только.

Я собралась с духом.

— У тебя... у тебя есть... девушка, да?

— Что? — Райдер задумчиво посмотрел на меня и покачал головой. — Неожиданный поворот.

Верно. Но я не собиралась отступать.

— Это... это девушка из нашего класса риторики.

Райдер задержал на мне взгляд.

— Ты о Пейдж? Да, мы встречаемся.

Складывая руки на коленях, я нервно улыбнулась.

— Это... хорошо.

Он отвел взгляд, плотно сжимая губы.

— Мы давно знакомы. Они с Гектором в одном потоке еще с начальной школы, поэтому Пейдж всегда была рядом, понимаешь?

Не то чтобы я понимала, но могла себе представить.

— И она классная девчонка. Не зануда, — добавил Райдер, и я задалась вопросом, не считает ли он занудой меня. — С ней я могу... просто расслабиться, ни о чем не думать. Мы начали встречаться прошлой весной. — Он замолчал и внимательно посмотрел на меня. — А ты откуда узнала? Она что, говорила с тобой?

О, черт. Мне совсем не хотелось рассказывать ему о сегодняшнем разговоре. Я сцепила руки и мысленно напомнила себе, что все это не мое дело.

— Нет. Просто... я видела, как вы вместе... ээ, заходили в класс в первый день.

Его брови взметнулись.

— И как это было?

Я отвела взгляд, ругая себя за несдержанность.

— Она была очень... нежна с тобой.

— Хм. — Последовала пауза. — Я нежен с тобой, но это не значит, что мы встречаемся.

Ледяной воздух ударил в грудь, когда до меня дошло то, что он сказал. Черт возьми. А ведь он прав, еще как прав, и, хоть я не думала, что он вкладывал какой-то особый смысл в эти слова, мне внезапно стало холодно.

— Я имею в виду, — договорил парень, подталкивая меня плечом, — у нас с тобой всегда было так.

— Да, — пробормотала я и, улыбнувшись, посмотрела на него.

Какое-то мгновение наши глаза не отпускали друг друга, а потом Райдер слегка прищурился.

— Надеюсь, она не сказала ничего, что бы тебя расстроило, а?

— Почему... почему ты спрашиваешь?

Уголок его губ вздернулся вверх.

— Она... скажем так, жесткая девушка.

В груди занялся пожар. Конечно, Райдеру нужна жесткая девушка. Он и сам парень крутой, и сегодня Пейдж ловко поставила меня на место, чего я и заслуживаю. Если бы мне довелось оказаться в ее шкуре, я бы сидела и молчала, глядя, как из-под носа уводят парня.

— Поэтому иногда она бывает грубоватой, — закончил он.

Я пожалала плечами.

Райдер впился в меня взглядом.

— Пейдж сказала что-нибудь обидное? Я могу поговорить с ней. Чтобы она знала, как...

— Нет! — взвилась я, удивляясь самой себе. Ответ прозвучал гораздо громче, чем мне хотелось, я почти кричала. — Не надо говорить с ней.

На лице Райдера мелькнуло сомнение.

— Мэллори...

— Все в порядке. — Сползая к краю дивана, я смахнула со столика неиспользованный ватный шарик. — Я имею в виду... ничего такого она не сказала. Поэтому тебе не нужно вмешиваться.

Я искоса посмотрела на него, давая понять, что не шучу. Как бы я... ни любила в нем эту готовность бросаться на защиту, нельзя же всю жизнь рассчитывать на него, надеясь на то, что Райдер так и будет решать мои проблемы. За последние четыре года я научилась жить без него, и не стоило нам возвращаться назад. Я не могла этого позволить, каким бы легким ни казался такой выход.

— Я не... я не хочу так.

— А как ты хочешь? — спросил он и поднес пальцы ко лбу, потирая кожу вокруг раны. Усмешка скривила его рот. — Можешь не отвечать.

Я не понимала, что это значит. Я недоуменно уставилась на него, и у меня возникло чувство, будто я упустила нечто очень важное.

— Мне надо идти. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности. — Райдер придвинулся к краю дивана.

Прежде чем я смогла возразить, что было бы неразумно, хотя мне совсем не хотелось его отпускать, он взял мое лицо в ладони. Я перестала дышать, воздух застрял где-то на пути к

горлу. Наклонившись, парень прижался губами к моему лбу и поцеловал, отчего мое сердце совсем размякло. Я закрыла глаза, пока его губы прижимались к моей коже. Совершенно обалдевшая, я не могла шелохнуться, когда он отстранился и встал.

Прошла, наверное, вечность, прежде чем я нехотя открыла глаза и встретила ясный взгляд золотисто-карих глаз и слегка приоткрытые губы. Я откашлялась.

— Я могу... тебя подвезти.

Райдер посмотрел на меня, подняв брови.

— Нет необходимости. Я об этом позаботился.

Вскочив на ноги, я последовала за ним в прихожую. У самого порога он обернулся.

— Я рад, что ты открыла дверь.

— А я рада... что ты прислал эсэмэску, — ответила я неуверенно улыбаясь.

Райдер склонил голову набок.

— Правда?

Я кивнула, вероятно, слишком охотно, но мне в награду на его правой щеке появилась ямочка. Наши глаза встретились на мгновение, и я поняла, что не хочу, чтобы он уходил. На меня снова что-то накатило, как вчера за обедом, и я едва не прыгнула вперед. Схватив его за предплечья, я потянулась на цыпочках и поцеловала его в щеку. Поцелуй получился мимолетным и невинным, и я решила, что не пересекаю никаких границ, но ощущение его кожи под моими губами все равно казалось волнующим и неожиданным.

— Будь осторожен, — прошептала я, отступая.

Ухмылка ушла с его красивого лица. Прошло мгновение, прежде чем он произнес:

— Всегда буду, Мышь.

Я на цыпочках поднялась по скрипучей лестнице, морщась всякий раз, когда доски стонали под моими шагами. Мне приходилось таиться, чтобы не попасть в лапы мистеру Генри. Это могло кончиться плохо. Очень плохо.

Я кралась по темному коридору. Мисс Бекки снова нездоровилось, и она не вставала с постели, но, если бы мне удалось поднять ее, она помогла бы Райдеру. Стараясь не шуметь, я медленно приоткрыла дверь и оглядела спальню. На тумбочке горел ночник, заливая комнату приглушенным желтым светом. Пустые коричневые бутылки валялись на комод. В комнате стоял странный запах. Застойный. Я подошла к кровати, сжимая руки в кулаки. Мисс Бекки лежала в постели, но выглядела как-то неестественно. Бледная и неподвижная, она напоминала один из тех манекенов, что я видела в магазинах.

— Мисс Бекки, — прошептала я, нарушая правила. Я никогда не будила ее, но Райдер нуждался в помощи. Женщина даже не шелохнулась. Я подкралась ближе. — Мисс Бекки?

Испугавшись, я замешкалась возле кровати. Комната вдруг стала какой-то размытой. Горячие слезы наполнили мои глаза, пока я переминалась с ноги на ногу. Я снова попыталась произнести ее имя, но из горла не вырвалось ни звука. Лямка ее майки сползла с плеча, и грудь не вздымалась.

Я повернулась, чтобы уйти, спрятаться, потому что догадывалась: произошло что-то плохое, но Райдер был на улице, в такой холод. Сегодня в школе, когда я играла на площадке, без перчаток у меня совсем окоченели пальцы. Я расправила костлявые плечи и бросилась обратно к кровати. Я потянулась, хватая мисс Бекки за руку. Ее кожа была холодной и... восковой. Я отпрянула назад и выбежала вон. Мисс Бекки... она уже не поможет. Теперь вся надежда на меня, и я не могла оставить Райдера в беде. Я осторожно спустилась вниз по ступенькам и тихо пробралась мимо ванной комнаты, пропахшей плесенью.

Из гостиной донеслась брань мистера Генри, и мое сердце подпрыгнуло, но я все-таки преодолела путь до задней двери. Вытянувшись во весь рост, я сняла щеколду, и ее лязг пронесся раскатом грома по всей кухне. Я повернула дверную ручку.

— Какого черта ты здесь делаешь, малявка?

Я вздрогнула, отшатнулась назад и оцепенела. Открывая рот, я уже приготовилась к тумакам. Крики разорвали воздух, заполнили дом, и...

— Мэллори! Проснись! — Руки сжимали мои плечи, встряхивая меня. — Просыпайся.

Резко вскочив, я высвободилась и перекатилась через кровать. Моя правая рука рассекла воздух. Потеряв равновесие, я зависла на краю. Чья-то рука крепко сжала мое левое предплечье. В горле застрял крик. Мой дикий взгляд метался по ярко освещенной спальне. Прошлое медленно отступало, бледнея, как выведенное пятно смолы и дыма. Никаких пивных бутылок. Как и кухонного стола, заваленного газетами. Я смотрела в темные глаза Карла. Беспокойство отражалось на его усталом лице. Волосы торчали во все стороны, а серая рубашка выглядела мятой.

— Ты в порядке? — спросил он, пока я нервно глотала воздух. — Боже, Мэллори, я не слышал, чтобы ты так кричала, вот уже...

Много лет.

Он мог и не заканчивать фразу. Дрожащей рукой я смахнула волосы с лица и тяжело сглотнула. Горло саднило. В следующее мгновение до меня дошло, что Роза стоит в дверях,

завязывая пояс халата. Она что-то сказала, но я не расслышала. Сердце неистово колотилось.

— Ничего страшного. — Карл похлопал меня по руке, оглядываясь через плечо на дверь. — Это всего лишь ночной кошмар, *cariña*.^[13] Возвращайся в постель.

Ночной кошмар? Но ведь ночные кошмары бывают только во сне. А этот... случился в реальной жизни.

Утро наступило слишком рано, и целый день в школе я еле передвигала ноги. Когда пришло время урока риторики, я вошла в класс и сразу же встретилась взглядом с Пейдж. Сегодня ее волосы были убраны в гладкий пучок, как у балерины, и в ушах болтались крупные золотые серьги в виде колец. Она выглядела восхитительно. Чего нельзя было сказать о гримасе, которую она состроила, когда увидела меня.

Я споткнулась, подвернув левую ногу, и шлепок моей обуви прозвучал оглушительным грохотом. Я не упала, но ударилась бедром о свободную парту.

Губы Пейдж дрогнули, и она подняла бровь.

От ужаса я застыла, но уже в следующее мгновение очнулась от оцепенения. Я поспешила на свое место и устроилась за партой. Мои щеки горели. То, как она смотрела на меня, прежде чем я так по-дурацки споткнулась, подсказывало, что Райдер все-таки поговорил с ней, как и предлагал прошлым вечером.

Нет, он не мог, убеждала я себя, открывая тетрадку и просматривая записи, нацарапанные вчера. Прищурившись, я вглядывалась в единственное предложение, которое записала, пытаюсь понять его смысл...

— Мышь.

Воздух застрял в горле, когда я подняла голову. В Райдере, наверное, было что-то от призрака, потому что я не слышала, как он сел за соседнюю парту и, возможно, успел обменяться парой слов с Пейдж, но каким-то неведомым образом он оказался рядом со мной. В старой футболке с выцветшим принтом, в расслабленной позе со сложенными на широкой груди руками, он являл собой воплощение ленивого высокомерия.

Увидев его после вчерашнего, я испытала странное волнение. Я не сказала Карлу и Розе о том, что ко мне приходил Райдер. Хуже того, и не собиралась рассказывать.

Мышь.

Я ненавидела это прозвище за то, что оно символизировало, и в то же время дорожила им, потому что прозвище придумал *он*. Я не могла сказать с уверенностью, какое чувство перевешивало.

Мое сердце исполнило забавный кульбит.

— Райдер.

Его чувственные губы скривились в усмешке, и мое внимание переключилось на его рот. Как может парень иметь такие идеальные губы? Это несправедливо. И с чего вдруг я пялюсь на его рот? Румянец окрасил мое лицо в цвет спелой клубники, и его улыбка стала шире, демонстрируя ямочку.

— Скучала по мне?

Мои руки упали на раскрытую тетрадку, а взгляд метнулся в сторону Пейдж. Она болтала с Гектором, рассматривая что-то на экране его мобильного, но мне не верилось, что Райдер мог заговорить со мной у нее на глазах. Или, может, это в порядке вещей, и я попросту преувеличиваю?

Я пожалала плечами и, подняв взгляд, увидела, что рана над левым глазом выглядит уже не

так устрашающе, как вчера.

— Как твоя голова? — тихо спросила я.

— Я уже и забыл. — Он ненадолго опустил взгляд. — Как прошел твой день?

Тепло разлилось во мне, когда я услышала отдаленный звонок на урок.

— Я сегодня обедала с Кейрой. Второй день подряд, — сказала я и поморщилась, осознав, насколько глупо это прозвучало.

Его усмешка переросла в широкую улыбку, добавив и без того безусловно красивому лицу такое мужское обаяние, которое било наповал.

— Это очень хорошо, Мэллори. — Парень понизил голос, потянувшись ко мне и сжимая мое предплечье. Прикосновение подействовало на меня как удар током. — Я горжусь тобой. По-настоящему.

Мое сердце затрепетало, когда я уставилась на его большую руку, еще более смуглую на фоне моей кожи. Он знал, насколько это важно для меня, и я не чувствовала себя круглой идиоткой. Он понимал меня. Разделял мои переживания. Видит Бог, как много это значило для меня.

Тень упала между нашими партами. Гектор как раз садился на свое место, но замер на полпути к стулу, склонив голову набок. Его взгляд был прикован к руке Райдера, и в нем сквозило такое изумление, будто он только что увидел чупакабру.

Райдер отстранился, сложив руки на груди.

— Ты в порядке, брат?

Зеленые глаза Гектора метнулись к нему.

— А ты?

Ответа не последовало, и я терялась в догадках, что, черт возьми, происходит между ними, но, когда Гектор сел за парту, я заметила, что и Кейра наблюдает за нами со своего места чуть впереди. Я выдавила из себя улыбку, втайне надеясь, что она не слышала мои откровения про обед. Это было бы совсем ни к чему.

— Эй, милый, — проговорила Пейдж, привлекая внимание Райдера. — У нас все в силе на сегодняшней вечер?

Я прикусила щеку, когда Райдер повернулся к ней.

— Сегодня?

— Да. — Она ослепительно улыбалась, как в тот день, когда я впервые увидела их вместе. — Мы же договаривались пойти на вечеринку к Рамону.

Я понятия не имела, кто такой Рамон, но жгучая зависть уже шевельнулась в животе. Мне еще не доводилось бывать на вечеринках, разве что на праздниках, организованных взрослыми. Я не догадывалась, о какой вечеринке идет речь, потому что узнала о ней только сейчас. Мой взгляд заметался между ними, и я вдруг подумала, что, хотя Райдер понимал меня, как никто другой, наши миры больше не вращаются на одной орбите.

Теперь Райдер прогуливал школу, когда хотел.

Теперь у Райдера была девушка.

Райдера приглашали на вечеринки.

А я? Я осталась такой же, как прежде, и навсегда.

Я никогда не осмелюсь прогулять школу.

У меня нет парня.

Я не хожу на вечеринки, и, если не считать шестнадцатилетия Эйнсли в прошлом году, меня на них даже не приглашали.

— Не уверен, — ответил Райдер. — Мне надо быть в гараже. Может, пробуду там всю ночь.

Гараж? Меня так и подмывало расспросить об этом, но я решила, что сейчас не время высовываться из своей раковины и подавать голос.

Улыбка застыла на лице Пейдж.

— А я так хотела пойти.

— Иди, — невозмутимо произнес он и улыбнулся ей. Я не могла видеть, но знала, что у него на щеке появилась ямочка. — Если смогу выбраться пораньше, встретимся прямо там. Ладно?

Пейдж замерла на мгновение, а потом кивнула.

— Ладно. — Потянувшись к нему, она положила руку ему на затылок. — Но я буду скучать без тебя.

Пожалуй, мне лучше было бы отвернуться.

— Неужели? — В его голосе зазвучали игривые нотки.

Я не отвернулась.

Пальцы Пейдж напряглись, и... Он что же, наклонился к ней? Я отвела взгляд... всего на несколько секунд, прежде чем опять повернулась к ним. Парень сидел прямо, и все части тела Пейдж тоже оставались на месте.

Прошло мгновение, и Райдер оглянулся, застукав меня за подглядыванием и подслушиванием. Он расплылся в усмешке, и я увидела ямочку. Опустив глаза, я уткнулась в тетрадку, напоминая себе, что негоже совать нос в чужие дела.

Мистер Сантос возник у доски так неожиданно, как будто выпал из люка в потолке. Это требовало особого таланта.

— Итак, дети мои. Мы начнем урок с небольшой разминки. — Он хлопнул в ладоши, испугав уже задремавшего парнишку в первом ряду. — В публичных выступлениях практика — залог успеха. Чем больше вы тренируетесь, тем легче вам дается устная речь. Поверьте мне.

Я выпрямилась, чувствуя покалывание в пальцах.

— Когда я был в вашем возрасте...

— Сто лет тому назад, — пробормотал кто-то.

Сантос выстрелил в острюга насмешливым взглядом.

— Смешно. Во всяком случае, когда я был в вашем возрасте *несколько* десятилетий назад, от одной только мысли о том, что придется выступать перед аудиторией, меня начинало тошнить.

— Вот это да, — пробормотала девушка.

Я как никто могла его понять. Меня бы тоже вывернуло наизнанку.

— Так что мне пришлось над этим работать. Как и всем нам. Это означает, что мы начнем с краткого знакомства.

— О, черт, — пробурчал Райдер себе под нос.

Сантос продолжил, не обращая внимания на то, что я глядела на него огромными глазами, похожими на блюдца.

— Каждый из вас встанет лицом к классу, назовет свое имя и одну вещь, которая ему нравится — только прошу держаться в рамках приличий, — и одну вещь, которая ему не нравится. Опять же, не забываем про родительский контроль.

Раздались смешки, но из меня словно выкачали весь воздух, так что закружилась голова.

Нет. Мне нужно неделями готовиться к такому заданию. Выступление перед классом не должно случиться ни сегодня, ни завтра, *ни* на следующей неделе.

— Мэллори. — позвал меня Райдер шепотом.

Я вцепилась в края парты, в то время как мой пульс исполнял собственную версию хаус-музыки^[14]. У меня перехватило дыхание, когда я скосила глаза в его сторону. Лица Гектора и Пейдж расплывались, как в тумане. Стул заскреб ножками по полу, и мой взгляд последовал за звуком.

Из-за парты в первых рядах поднимался парень. Как и просили, он повернулся лицом к классу.

— Меня зовут Леон Вашингтон. — На его лице расплзалась довольная улыбка. — Я не люблю сыр. И мне нравятся телки в порно.

Класс захихикал, а Сантос осуждающе посмотрел на ученика. Леон плюхнулся на место, и следом поднялась девушка. Дыхание вырывалось у меня резкими толчками. Пейдж сидела в конце первого ряда, Райдер во втором ряду, а я — в конце третьего. Я подсчитала, что передо мной семнадцать стульев, и два из них пустовали.

О боже.

Мой дикий взгляд метнулся к Райдеру. Понимание сквозило в его лице, в напряженной линии челюсти. Он посмотрел на девушку, поднимавшуюся со своего места.

— Я — Лора Кайе. — Она откинула назад длинные каштановые волосы и повернулась к классу. — Я... мм, я люблю ездить с громкой музыкой. И мне не нравится... — Ее щеки вспыхнули. — Мне не нравятся сплетницы и стервы.

Мистер Сантос вздохнул.

Класс разразился смехом.

Лора села с удовлетворенной улыбкой на лице.

Я не исключала того, что меня хватит удар, когда увидела, как встает еще один парень, с красным, как помидор, лицом.

— Мэллори, — шепнул Райдер, и я в панике уставилась на него, помня, что за нами наблюдает Пейдж. — Ты сможешь это сделать, — еле слышно произнес он. — Ты справишься.

Парень удерживал мой взгляд и смотрел на меня так, словно его слова обладали достаточной властью, чтобы убедить меня, но он ошибался. Я не могла это сделать. Ком в горле превратился в настоящий кляп. О боже, да я и звука не смогла бы произнести. Грудь стянуло обручем, дышать стало нечем. Ледяной холод обжигал шею.

Я ничего не могла с собой поделать.

Не помню, как я схватила учебник и затолкала его в сумку. Я вообще не помню, как взяла сумку и поднялась из-за парты. Я как будто оказалась в темном туннеле, где единственным источником света оставался дверной проем.

Еще одна девушка встала и представилась классу, но я ничего не слышала, подчиняясь только своим ногам. Словно в тумане, я вышла из классной комнаты в тихий коридор. В груди нестерпимо жгло, но я упорно шагала вперед, то и дело переходя на бег, пока не выскочила на улицу. Под нависающими густыми тучами, угрожающими пролиться дождем, я бросилась к своей машине.

О боже, неужели это я? Даже не верилось.

Остановившись у машины, я уронила сумку и наклонилась вперед, упираясь в колени.

Я только что удрала с урока.

Тяжело дыша, я зажмурилась так крепко, что в глазах вспыхнули огоньки. Я такая слабачка и такая *тупица*. Все, что от меня требовалось, это встать и назвать свое имя. Сказать, что мне нравится, а что — нет. Это же совсем не трудно, но мой мозг... Он просто разучился работать. Он отключился в момент паники.

— Мэллори?

Я вздрогнула и резко повернулась, едва не рухнув, когда мой взгляд столкнулся с карими глазами. Райдер стоял передо мной, зажав в руке свою потрепанную тетрадку. Как и следовало ожидать, он вышел из класса следом за мной.

Ничего не изменилось.

Новый прилив обиды обжег мои щеки, и я отвернулась, уставившись на пустое футбольное поле. Слезы разочарования подступили к глазам.

— Я сказал, что тебе стало плохо, — произнес парень мгновение спустя. — Никто ничего не заподозрил. Черт, ты же ела в школьной столовке, так что все правдоподобно. Сантос разрешил мне выйти из класса, чтобы проверить, как ты себя чувствуешь. По идее, я должен вернуться, но...

Но он и не думал возвращаться.

Закрыв глаза, я покачала головой. Кожу щипало так, словно полчища злобных огненных муравьев маршировали по моим рукам и спине. Четыре дня в школе — и не выдержала, сбежала. Я совершила то, чего больше всего боялись Роза и Карл. Я сделала именно то...

— Мышь, ты в порядке? — Последовала пауза, и я почувствовала прикосновение его руки.

Мышь.

Но я больше не Мышь.

Я отстранилась и, повернувшись к нему лицом, успела поймать вспышку удивления на его лице. Он опустил руку, пытаясь отыскать мои глаза, а мне всего лишь хотелось... Быть такой, как все.

Черт, но разве это *возможно* с такими мозгами, как у меня?

— Ты... тебе не надо было идти за мной, — пробормотала я.

— Почему? — спросил Райдер, как если бы действительно не догадывался.

— Ну, хотя бы из-за Пейдж.

— Она все понимает.

Я очень сомневалась в этом, потому что на ее месте я бы не поняла. Ни за что и никогда.

— Тогда... потому что... я больше не твоя проблема.

Парень вздернул подбородок, и его плечи поднялись в глубоком вздохе.

— Я хочу показать тебе кое-что.

Я нахмурилась.

Он протянул руку и пошевелил пальцами.

— Можно твои ключи от машины?

Я еще больше нахмурилась. Он что же, опять намерен прогулять школу? До конца занятий оставалось не меньше получаса, хотя... Ему наверняка плевать на риторику, а я так уж точно не собиралась возвращаться в класс.

— У меня есть права, — продолжил он, когда я не ответила. — Клянусь. Я умею водить. И не собираюсь угонять твой автомобиль или что-то там еще.

Мои брови поползли вверх.

— Я... я и не думала, что ты на это способен.

Райдер склонил голову набок. Неужели он решил, что я так плохо о нем думаю? Я полезла в сумку, выудила ключи и отдала их ему. Его длинные пальцы обхватили брелок. Не говоря ни слова, я обогнула машину и плюхнулась на пассажирское сиденье, швырнув сумку назад.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Шоу Опры Уинфри» — американское ток-шоу (создатель и ведущая Опра Уинфри, выходило в течение 25 сезонов, с 1986 по май 2011 года. Вошло в список «50 величайших телевизионных шоу Америки».

Красивая (*исп.*).

Деръмо, чувак (*исп.*).

Красотка (исп.).

Это тело такое мощное! (*исп.*).

Не пьются (*исп.*).

Шлюха (исп.).

Эвердин, Китнисс— вымышленный персонаж в трилогии книг Сьюзен Коллинз «Голодные игры».

В чирлидинге: база — спортсмены, выступающие основой пирамид, споттер — страхующий.

«*Балтимор Рэйвенс*» («Балтиморские Вороны») — профессиональный футбольный клуб Американской национальной футбольной лиги.

Дурак (исп.).

Dodge (англ.) — уловка, хитрость, увертка.

Дорогая (*исп.*).

Хаус (англ. House — дом) — стиль и движение в электронной музыке, созданные танцевальными диск-жокеями в начале 1980-х годов в Чикаго и Детройте.